На острове

Автор:
Трейси Гарвис-Грейвс

На острове

Трейси Гарвис-Грейвс

Novel. Тренд на любовь

Мне было тридцать, когда гидросамолет, на котором я летела вместе с Ти Джеем, потерпел крушение в Индийском океане. Я улетала от холодной чикагской зимы, от бессмысленных отношений и чувства неопределенности.

Все должно было быть иначе: я репетитор, он ученик. Мы выжили. Мы одни на целом острове. Так начиналась наша невероятная история.

Невероятная и незабываемая история о выживании и любви от автора бестселлеров New York Times. Роман, к которому захочется возвращаться снова и снова, каждый раз открывая для себя что-то новое.

Роман «На острове» девять недель входил в список бестселлеров New York Times и был переведен на 29 языков. А компании MGM и Temple Hill Productions занимаются производством художественного фильма.

«Для тех, кто любит "Остаться в живых" и "Пятьдесят оттенков серого"». – Daily Mail

Трейси Гарвис-Грейвс

На острове

Посвящается Мейре

Tracey Garvis Graves

ON THE ISLAND

Copyright © 2011 by Tracey Garvis Graves

Перевод с английского Ольги Александровой

© Александрова О., перевод на русский язык, 2021

© Издание на русском языке, оформление. ООО «Издательство «Эксмо», 2021

1

Анна

Июнь 2001

Мне было тридцать лет, когда гидросамолет, на котором я летела вместе с Ти Джеем Каллаханом, потерпел крушение в Индийском океане. Ти Джею исполнилось шестнадцать, и у него только три месяца назад наступила ремиссия после тяжелого лимфогранулематоза. Нашего пилота звали Мик – он умер еще до того, как мы ударились о воду.

В аэропорт меня отвез мой бойфренд Джон, хотя я бы предпочла, чтобы меня проводила мама или Сара – моя сестра. Мы, волоча за собой по чемодану на колесиках, с трудом протискивались сквозь толпу – такую плотную, будто сегодня все жители Чикаго решили сняться с насиженных мест и улететь из города. Но вот наконец мы подошли к стойке регистрации US Airways[1 - «Воздушные трассы Соединенных Штатов» – одна из крупнейших авиакомпаний, которая позднее объединилась с American Airlines. (Здесь и далее прим. ред.)], где сотрудница авиакомпании взвесила мой багаж и с улыбкой протянула посадочный талон:

– Благодарю вас, мисс Эмерсон. Я зарегистрировала вас на рейс до Мале. Желаю вам приятного путешествия.

Положив посадочный талон в сумочку, я повернулась к Джону:

– Спасибо, что подвез.

– Анна, я пройду с тобой.

– В этом нет необходимости, – покачала я головой.

Он нахмурился:

– Я так хочу.

Мы молча тащились за толпой медленно идущих пассажиров. А когда подошли к выходу на посадку, Джон спросил:

– Как он выглядит?

– Тощий и лысый.

Я обшарила взглядом толпу и улыбнулась, заметив Ти Джея – на его голове уже отрос ежик каштановых волос. Я приветственно помахала ему, и он кивнул в ответ. Сидящий рядом с ним парень толкнул его локтем под ребра.

– А кто второй пацан?

– Думаю, его друг Бен.

Мальчики, сидевшие, ссутулившись, на стульях, были одеты как все подростки: в мешковатые шорты, футболки и кеды с болтающимися шнурками. У ног Ти Джея стоял темно-синий рюкзак.

– Ты уверена, что хочешь именно этого? – спросил Джон. Он стоял, засунув руки в задние карманы брюк, и внимательно изучал вытертое ковровое покрытие.

«Ну, хотя бы один из нас должен что-то делать».

– Да.

– Я тебя очень прошу, не принимай никаких окончательных решений до своего возвращения.

– Я же сказала, что не буду.

Хотя на самом деле у меня не было выбора. Я просто решила отложить все до конца лета.

Джон обнял меня за талию и поцеловал, причем поцелуй длился на несколько секунд дольше, чем это принято в общественных местах. Я смущенно отпрянула. Краем глаза я заметила, что Ти Джей с приятелем, не скрываясь, таращатся на нас.

– Я тебя люблю, – сказал Джон.

– Знаю, – кивнула я.

Смирившись, он поднял мою дорожную сумку и помог мне закинуть ее на плечо.

– Счастливого полета. Позвони, когда доберешься.

– Хорошо.

Джон побрел к выходу. Я провожала его взглядом до тех пор, пока он не скрылся в толпе, а затем расправила юбку и направилась к мальчикам. Когда я подошла к ним, оба как по команде потупились.

– Привет, Ти Джей. Хорошо выглядишь. Ну что, готов лететь?

– Да, конечно, – сказал он, и мне на секунду удалось поймать взгляд его карих глаз.

Он слегка набрал вес и уже не казался таким мертвенно-бледным. А еще я заметила брекеты у него на зубах и небольшой шрам на подбородке.

– Привет, меня зовут Анна, – обратилась я к сидящему рядом с Ти Джеем парню. – Ты, должно быть, Бен. Как прошла вечеринка?

Тот смущенно посмотрел на Ти Джея и еле слышно пробормотал:

– Мм… Вроде бы нормально.

Я достала телефон и посмотрела на время.

– Ти Джей, я отлучусь ненадолго. Хочу еще раз проверить, как там наш рейс.

Не успела я сделать и пары шагов, как услышала за спиной голос Бена:

– Ух, твоя няня – горячая штучка.

– Она моя учительница, придурок!

Слова Бена меня нисколько не задели. Я преподавала в старших классах средней школы, а потому к замечаниям подростков, страдающих от переизбытка гормонов, относилась как к неизбежному злу.

Убедившись, что все идет по расписанию, я вернулась к Ти Джею и села рядом с ним на свободный стул.

– А что, Бен уже ушел?

– Угу. Его мамаше надоело нарезать круги по аэропорту. А пойти с нами он ей не разрешил.

– Может, взять что-нибудь перекусить?

– Нет, я не голоден. – Он покачал головой и замолчал.

И вот так, в неловкой тишине, мы сидели до тех пор, пока не объявили посадку на самолет. Ти Джей проследовал за мной по узкому проходу салона первого класса.

– Хочешь сесть у окна?

– Не откажусь. Спасибо, – пожал плечами Ти Джей.

Посторонившись, я пропустила его вперед и подождала, пока он не устроится в кресле, а затем села рядом. Он вынул из рюкзака CD-плеер и надел наушники, тем самым дав понять, что не желает разговаривать. Я достала из дорожной сумки книгу, самолет поднялся в воздух, и Чикаго остался далеко позади.

В Германии все пошло наперекосяк. Полет от Чикаго до Мале – столицы Мальдив – должен был занять у нас не более восемнадцати часов, но из-за каких-то технических неполадок и неблагоприятных погодных условий мы провели на жестких пластиковых стульях в международном аэропорту Франкфурта в ожидании стыковочного рейса остаток дня и полночи. И вот наконец в три часа пополуночи нам подтвердили вылет ближайшим рейсом. Заметив, что Ти Джей сонно трет глаза, я показала на ряд свободных стульев:

– Можешь прилечь, если хочешь.

– Я в порядке, – с трудом подавил зевок Ти Джей.

– Нам еще несколько часов ждать. Тебе надо постараться хоть немного поспать.

– А вы сами-то не устали?

Я была окончательно вымотана, но Ти Джей, похоже, сильнее нуждался в отдыхе.

– Ни капельки. Так что давай ложись.

– Вы уверены?

– Абсолютно.

– Ну, тогда ладно. Спасибо, – через силу улыбнулся он, растянулся на стульях и тут же заснул.

Я отвернулась к окну и стала смотреть, как садятся и взлетают самолеты, пронзая ночное небо красными огнями. В зале на полную мощность работал кондиционер, от потока холодного воздуха тело покрылось гусиной кожей, мне было зябко в короткой юбке и маечке. Я зашла в ближайшую туалетную комнату, достала из дорожной сумки джинсы и кофту с длинными рукавами, переоделась, а потом купила себе чашку кофе. Затем я вернулась на свое место и три часа просидела с книгой в руках. Ти Джея я разбудила только тогда, когда наконец объявили посадку на рейс.

В Шри-Ланке наш самолет снова задержали – на сей раз из-за нехватки персонала, – так что к тому времени, как мы приземлились в международном аэропорту Мале на Мальдивах, я не спала уже тридцать часов, а до арендованного Каллаханами летнего домика оставалось еще два часа лету на гидроплане. У меня стучало в висках, а глаза чесались, будто в них песка насыпали. Когда нам сообщили, что у них нет брони на наше имя, я чуть не расплакалась.

– Но ведь у меня есть номер брони. – Я положила листок бумаги на стойку представителя авиакомпании. – Я подтвердила наш заказ еще до отлета из Шри-Ланки. Два места. Ти Джей Каллахан и Анна Эмерсон. Будьте добры, проверьте еще раз.

– Мне очень жаль, но вас нет в списке пассажиров. Гидросамолет полностью заполнен, – посмотрев на экран компьютера, ответил он.

– А как насчет следующего рейса?

– Скоро стемнеет. Гидросамолеты не летают после захода солнца. – Увидев отчаяние на моем лице, он бросил на меня сочувственный взгляд, постучал по клавиатуре и взял телефонную трубку. – Посмотрим, что можно для вас сделать.

– Спасибо большое.

Мы с Ти Джеем зашли в сувенирный магазинчик, где я купила две бутылки воды.

– Хочешь?

– Нет, спасибо.

– Тогда положи пока в рюкзак. Вдруг тебе потом захочется пить.

Я достала из сумочки тайленол[2 - Лекарство, содержащее парацетамол.], сунула в рот две таблетки и запила их водой. Затем присела на скамью и позвонила Джейн, маме Ти Джея, чтобы предупредить ее, что раньше утра нас можно не ждать.

– Есть шанс попасть на какой-нибудь рейс, но, думаю, уже не сегодня. Гидросамолеты в темноте не летают, похоже, ночь нам придется провести в аэропорту.

– Мне так жаль, Анна. Вы, наверное, дико устали, – сказала она.

– Да нет, все нормально. Правда-правда. Завтра уж точно будем на месте, – ответила я и, прикрыв рукой микрофон, спросила Ти Джея: – С мамой хочешь поговорить?

Ти Джей скорчил рожу и покачал головой.

Тут я увидела, что представитель авиакомпании, широко улыбаясь, машет мне рукой.

– Джейн, послушайте, думаю, мы могли бы…

Но тут связь пропала, и звонок прервался. Затаив дыхание, я подошла к стойке регистрации.

– Один из наших пилотов, работающих на чартерных рейсах, может доставить вас на остров, – сказал представитель авиакомпании. – Пассажиры, которых он должен был везти, задерживаются в Шри-Ланке и раньше завтрашнего утра здесь не появятся.

– Чудесно, – облегченно вздохнула я. – Спасибо, что помогли нам. Я так благодарна.

Я попыталась дозвониться до родителей Ти Джея, но связи не было. Надеюсь, когда мы прибудем на остров, сигнал снова появится.

– Ну что, Ти Джей, ты готов?

– Да, – ответил он, поднимая рюкзак.

Микроавтобус высадил нас в терминале для авиа-такси. Нас зарегистрировали, и мы вышли на летное поле.

Климат на Мальдивах напоминал парилку в моем тренажерном зале. Лоб и шея тут же покрылись капельками пота. В джинсах и кофте было страшно жарко, я почувствовала, как обволакивает кожу влажный воздух, и пожалела, что не переоделась во что-нибудь полегче.

«Господи, неужели здесь всегда так душно?»

На причале рядом с гидросамолетом, мирно покачивающимся на волнах, стоял служащий аэропорта. Увидев нас, он помахал рукой. Когда мы с Ти Джеем приблизились, он открыл дверь, и мы, пригнувшись, шагнули в гидроплан. Сидевший за штурвалом пилот широко улыбнулся, не переставая жевать чизбургер.

– Привет. Мик. К вашим услугам. – Он наконец дожевал и судорожно сглотнул. – Вы не против, если я доем? Я сегодня еще не обедал.

Пилот выглядел хорошо за пятьдесят, и был таким тучным, что едва помещался в кресле. Он был одет в мешковатые шорты и самую огромную майку-варенку, которую я когда-либо видела, но на ногах – ничего. У него на лбу и верхней губе сверкали капельки пота. Мик закончил с чизбургером и промокнул лицо салфеткой.

– Меня зовут Анна, а это Ти Джей, – протянув ему руку, улыбнулась я. – Конечно, мы не возражаем.

Самолет DHC-6 Twin Otter вмещал десять пассажиров. В салоне пахло авиационным топливом и плесенью. Ти Джей пристегнул ремень и уставился в иллюминатор. Сев через проход от него, я засунула сумку под сиденье и потерла глаза. Мик запустил двигатель. Из-за шума я не слышала голоса пилота, но по тому, как шевелятся его губы, поняла, что он с кем-то переговаривается по рации. Гидроплан отдалился от причала, разогнался и поднялся в воздух.

Какая досада, что я не могу спать в самолетах! Я всегда завидовала тем, кто отключался сразу после взлета и просыпался, только когда шасси касались посадочной полосы. Я попыталась хоть немного вздремнуть, но ничего не вышло: солнце светило прямо в лицо, а мой режим дня окончательно сбился. Когда я, сдавшись, открыла глаза, то поймала на себе взгляд Ти Джея. Его выдало выражение лица, а меня – краска на щеках, так что мы оба жутко смутились. Он отвернулся, достал рюкзак, положил его себе под голову и тотчас же уснул.

Мне не сиделось на месте, так что я отстегнула ремень и пошла в кабину пилота, чтобы узнать у Мика, сколько нам еще лететь.

– Может, час или около того, – сказал он и, указав на кресло второго пилота, добавил: – Присаживайтесь, если хотите.

Я села, пристегнула ремень и, заслонившись рукой от солнца, стала любоваться великолепным видом из окна. Вверху кобальтовое небо без единого облачка. Внизу Индийский океан, бирюзовые воды которого кое-где казались темно-зелеными.

Мик потер кулаком грудь и потянулся за упаковкой антацида.

– Изжога, будь она неладна. Расплата за любовь к чизбургерам. Но, знаете ли, на вкус они гораздо лучше треклятого салата. – Он положил таблетку в рот и засмеялся в ответ на мой сочувственный кивок. – А вы сами-то откуда будете?

– Из Чикаго.

– И чем вы там, у себя в Чикаго, занимаетесь? – спросил он и засунул в рот еще одну таблетку.

– Преподаю английский в десятом классе.

– А… Значит, у вас сейчас каникулы.

– Ну, только не у меня. Летом я обычно даю частные уроки, – сказала я и, кивнув в сторону Ти Джея, добавила: – Его родители наняли меня, чтобы я помогла ему подтянуть хвосты и догнать ребят из его класса. У него был лимфогранулематоз, и он пропустил много занятий.

– То-то я подумал, что для его мамы вы выглядите уж больно молодо.

– Его родители и сестры вылетели на несколько дней раньше, – улыбнулась я.

Я не смогла отправиться вместе с Каллаханами, так как в государственной школе, где я преподаю, каникулы начинаются немного позже, чем в частной, в которой учится Ти Джей. Когда Ти Джей об этом узнал, то уговорил родителей разрешить ему остаться на уик-энд в Чикаго и вылететь вместе со мной. Мне даже специально звонила его мама – Джейн Каллахан. Она интересовалась, устраивает ли меня такой вариант.

– Его друг Бен организует вечеринку. Ти Джею очень хочется пойти туда. Но вы точно не против? – спросила она.

– Вовсе нет, – ответила я. – Так мы сможем лучше узнать друг друга.

До того я видела Ти Джея только один раз – когда проходила собеседование с его родителями. Ему, конечно, потребуется время, чтобы привыкнуть ко мне и проникнуться симпатией. Так всегда бывает, когда берешь нового ученика, особенно мальчика-подростка.

Ход моих мыслей нарушил голос Мика:

– Как долго вы там пробудете?

– Все лето. Они сняли дом на острове.

– Значит, мальчик теперь в порядке?

– Да. Его родители сказали, что какое-то время он был совсем плох, но сейчас у него ремиссия. Вот уже несколько месяцев.

– Неплохое местечко для работы на лето.

– Да уж, получше, чем в библиотеке, – ухмыльнулась я.

Некоторое время мы летели в тишине.

– А там, под нами, действительно тысяча двести островов? – нарушила я молчание. Я насчитала только три или четыре. Острова были разбросаны по водной глади, как гигантские кусочки пазла. Не дождавшись ответа, я переспросила: – Мик?

– Что? Ох, да. Плюс-минус. Из них обитаемы только двести. Но прогресс не стоит на месте, и, надеюсь, все скоро изменится. Каждый месяц открывается новый отель или курорт. Все хотят заиметь свой кусочек рая, – хмыкнул он.

Мик снова потер кулаком грудь, снял левую руку со штурвала и вытянул вперед. Я заметила, что лицо его исказилось от боли, а на лбу выступили бисеринки пота.

– С вами все хорошо?

– Все нормально. Просто у меня еще никогда не было такой сильной изжоги. – Он положил в рот еще две таблетки и скомкал пустую упаковку.

Меня охватило дурное предчувствие.

– Может быть, стоит с кем-то связаться? Если покажете, как управляться с вашей рацией, я могу сделать это за вас.

– Нет, не стоит. Сейчас таблетки подействуют, и я опять буду в полном порядке. – Он сделал глубокий вдох и улыбнулся: – Но все равно спасибо.

Минут десять он выглядел еще ничего, но потом снял правую руку со штурвала и потер левое плечо. По лицу его градом катился пот. Дыхание стало прерывистым, и он заерзал в кресле, словно пытаясь устроиться поудобнее.

Мое беспокойство переросло в настоящую панику.

Тут проснулся Ти Джей.

– Анна! – позвал он, перекрикивая шум двигателя. – Мы что, уже подлетаем?

Отстегнув ремень, я направилась к нему и села в соседнее кресло. Чтобы не говорить слишком громко, я наклонилась к Ти Джею и сказала:

– Послушай, мне кажется, что у Мика сердечный приступ. У него боли в груди, да и выглядит он совершенно ужасно, но почему-то считает, будто это все изжога.

– Что?! Вы серьезно?

Я кивнула.

– Прошлым летом мой папа перенес обширный инфаркт, так что я знаю симптомы. Думаю, Мик просто боится. Ему страшно признаться себе, что у него что-то серьезное.

– А как же мы? Самолетом-то он может управлять?

– Не знаю.

Мы с Ти Джеем подошли к кабине пилота. Мик сидел с закрытыми глазами, прижимая оба кулака к груди. Лицо его было пепельно-серым, гарнитура сползла с головы.

Невзирая на страх, я села в соседнее кресло и сказала решительно:

– Мик, нам надо срочно вызвать подмогу.

Он кивнул.

– Я хочу сперва посадить самолет на воду, а потом одному из вас придется воспользоваться рацией, – прохрипел он. – Наденьте спасательные жилеты. Они в багажном отсеке у двери. Затем займите свои места и пристегните ремни. – Лицо его искривилось от боли. – Марш!

Я почувствовала выброс адреналина, и сердце забилось как сумасшедшее. Мы кинулись к багажному отсеку и принялись обшаривать его в поисках спасательных жилетов.

– Анна, зачем нам надевать спасательные жилеты? Самолет же оснащен поплавками. Да ведь?

«Потому что он боится не успеть сесть на воду».

– Не знаю. Возможно, это стандартная процедура в нештатной ситуации. Мы же приземлимся посреди океана.

Наконец за каким-то контейнером с надписью «Спасательный плот» я нашла спасательные жилеты и несколько одеял.

– Вот, возьми. – Я протянула Ти Джею один из жилетов, а другой надела на себя.

Мы сели в кресла и пристегнули ремни, причем у меня так тряслись руки, что пристегнуться удалось только со второй попытки.

– Если он потеряет сознание, мне придется тут же начать делать ему искусственное дыхание и массаж сердца. А ты возьмешь на себя рацию. Ну что, Ти Джей, договорились?

Он в испуге вытаращился на меня, но все же кивнул:

– Я справлюсь.

Я вцепилась в подлокотники кресла и выглянула в иллюминатор. Бурные воды океана становились все ближе. Но затем самолет неожиданно вместо того, чтобы сбросить скорость, стал ее набирать, и теперь мы падали вниз под крутым углом. Я бросила взгляд в сторону кабины пилота. Мик лежал неподвижно, навалившись грудью на штурвал. Я отстегнула ремень и нырнула в проход.

– Анна! – заорал Ти Джей и попытался ухватить меня за край кофты.

Прежде чем я добежала до кабины пилота, Мик уже бессильно откинулся на спинку кресла, и его грудь содрогнулась от мощного спазма. Нос самолета резко пошел вверх, самолет ударился хвостом о воду и стал беспорядочно скакать по волнам. Затем кончик крыла задел о поверхность воды, и самолет, потеряв равновесие, перевернулся.

От удара я рухнула как подкошенная, словно кто-то связал мне щиколотки и дернул за веревку. В ушах стоял звон разбитого стекла, мне казалось, что я куда-то лечу, а потом, когда самолет развалился на части, кожу обожгло невыносимой болью.

Я упала в океан и чуть не захлебнулась попавшей в горло соленой водой. Я полностью потеряла ориентацию в пространстве, но спасательный жилет медленно выталкивал меня наверх. Я вынырнула и непроизвольно закашлялась, пытаясь вдохнуть.

«Ти Джей! Господи! Где Ти Джей?!»

Я тут же представила себе, как он уходит под воду, прикованный к креслу, не в силах расстегнуть ремень. Щурясь от ярких лучей солнца и выкрикивая его имя, я принялась лихорадочно оглядываться по сторонам. И именно тогда, когда я уж

было решила, что он наверняка утонул, на поверхности показалась его голова. Ти Джей вынырнул, фыркая и отчаянно отплевываясь.

Я поплыла к нему. Во рту стоял металлический привкус крови, а голова, казалось, вот-вот взорвется. Поравнявшись с Ти Джеем, я схватила его за руку и попыталась сказать, что счастлива видеть его рядом, но слова почему-то застревали в горле, и все было как в тумане, который то рассеивался, то снова поглощал меня.

Пытаясь привести меня в чувство, Ти Джей орал во все горло. Я помнила бурные волны, помнила, как опять наглоталась воды – и все. Дальше провал в памяти.

2

Ти Джей

Кругом была морская вода, она попадала в нос, в глаза, заливалась в горло. Было нечем дышать. Ко мне навстречу плыла Анна. Она пронзительно кричала, визжала и плевалась кровью. Она схватила меня за руку и попыталась что-то сказать, но я ни черта не разобрал. Затем ее голова странно дернулась, и Анна завалилась лицом в воду. Я поднял ей голову, схватив за волосы.

– Анна, очнитесь! Ну очнитесь же!

Волны были такими высокими, что я испугался, как бы ее не унесло течением, а потому просунул правую руку под лямку ее спасательного жилета. Я запрокинул ей голову.

– Анна! Анна!

Господи! Ее глаза оставались закрытыми, она не реагировала на мои вопли, тогда я просунул левую руку под вторую лямку и, откинувшись назад, взвалил ее себе на грудь.

Течением нас отнесло от места катастрофы. Обломки самолета скрылись под водой, и очень скоро уже не осталось никаких следов крушения. Я старался не думать о Мике, который остался сидеть пристегнутым к креслу пилота.

Я плыл, а сердце отчаянно стучало в груди. Вокруг, куда ни глянь, были только перекатывающиеся волны, но я старался сделать так, чтобы наши лица оставались над водой, а еще изо всех сил пытался не поддаваться панике.

«Интересно, узнают ли о том, что самолет разбился? Отслеживали ли наш маршрут по радару?»

Скорее всего, нет – иначе бы кто-нибудь уже пришел нам на помощь.

Небо потемнело, и солнце зашло за горизонт. Анна что-то невнятно пробормотала. Я уж было решил, что она наконец приходит в себя, но ошибся. Тело ее конвульсивно дернулось, и ее вырвало прямо на меня. Волны тотчас же смыли следы рвоты, но Анна вся дрожала, и я притянул ее поближе, чтобы согреть своим теплом. Я тоже страшно замерз, хотя в момент крушения вода показалась мне достаточно теплой. Луны на небе не было, и я с трудом различал окружавшую нас воду, которая из голубой стала черной.

Меня беспокоило, нет ли здесь акул. Я высвободил руку, взял Анну за подбородок и приподнял ей голову. Я почувствовал у себя под ключицами, в том месте, где секунду назад покоилась ее голова, что-то теплое. Неужели у нее продолжает идти кровь? Я хотел привести ее в чувство, но она реагировала только тогда, когда я тряс ее за голову. Анна ничего не говорила, лишь стонала. Мне не хотелось причинять ей боль, но я должен был привести ее в чувство. Она не шевелилась, и я сходил с ума от страха, но потом Анну снова вырвало, и она задрожала в моих объятиях.

Я изо всех сил пытался сохранять спокойствие, а потому дышал медленно и глубоко. Вдох – выдох, вдох – выдох. При таких волнах плыть лежа на спине было гораздо легче, и мы с Анной, увлекаемые течением, скользили по воде. Гидропланы в темноте не летают, но я не сомневался: как только рассветет, за нами непременно пошлют самолет. К этому времени кто-нибудь обязательно узнает о том, что мы потерпели крушение.

«Мои родители даже не в курсе, что мы были на борту этого самолета…»

Шли часы, акулы так и не появились. Хотя, может, они и рыскали где-то неподалеку, но я их пока не видел. Вконец измотанный, я слегка задремал и даже опустил ноги вниз, так как у меня больше не было сил держать их параллельно воде. О хищниках, которые могли кружить под нами, я старался не думать.

Когда я в очередной раз потряс Анну за плечи, она никак не отреагировала. Мне казалось, я чувствую, как поднимается и опускается ее грудь, но особой уверенности у меня не было. Внезапно я услышал громкий всплеск, и резко дернулся. Голова Анны бессильно упала набок, я притянул ее к себе. Звуки ритмично повторялись. Представив, что рядом не одна акула, а возможно, пять – десять или больше, я принялся лихорадочно озираться по сторонам. Что-то показалось над водой, и мне потребовалась всего секунда, чтобы понять источник шума: это волны ударялись о рифы, окружавшие остров.

Я еще ни разу в жизни не испытывал такого облегчения – даже когда доктор сказал, что лечение наконец-то дало результат и у меня больше нет рака.

Течение несло нас все ближе к берегу, но немного в сторону от острова. Нужно было срочно что-то делать, иначе мы проскочим мимо.

Я не мог грести руками, так как все еще держал Анну за лямки спасательного жилета, а потому поплыл на спине, изо всех сил работая ногами. Кеды тут же слетели, но мне было плевать. Вообще их стоило снять гораздо раньше.

Я прикинул расстояние до суши: ярдов пятьдесят[3 - Приблизительно 45 метров.]. Мы отдалялись от острова. Выбора не было – я высвободил одну руку, чтобы грести, и поплыл на боку, стараясь удерживать лицо Анны над водой.

Я приподнял голову. Мы были уже совсем близко. Отчаянно молотя по воде, чувствуя, что легкие вот-вот разорвутся, я плыл на пределе возможностей.

Наконец мы достигли лагуны за рифами, но я все плыл и плыл до тех пор, пока не почувствовал под ногами песчаное дно. У меня едва хватило сил, чтобы вытащить Анну из воды на берег, а потом я рухнул на землю рядом с ней и отключился.

Меня разбудили слепящие лучи солнца. Тело точно одеревенело, все болело, а видеть я мог почему-то только одним глазом. Я сел, снял спасательный жилет и посмотрел на Анну. Ее распухшее лицо было в сплошных кровоподтеках, а на лбу и щеках виднелись глубокие порезы. Она не шевелилась.

Сердце бешено колотилось, но я все же заставил себя протянуть руку и дотронуться до ее шеи. Кожа ее на ощупь была теплой, и мне сразу стало гораздо легче, когда я почувствовал, как под моими пальцами пульсирует тоненькая жилка – значит, Анна жива. Я ничего не знал о травмах головы, но что-то мне подсказывало, что у Анны именно она. А если она никогда не очнется?

Я осторожно потряс ее за плечи:

– Анна, вы меня слышите?

Она не ответила, и я повторил попытку.

Я все ждал, когда она откроет глаза. Глаза у нее были потрясающие. Огромные, серо-голубые. Это было первым, что я заметил, когда мы познакомились. Она пришла к нам домой на собеседование с родителями, и я тогда почувствовал себя страшно неловко, ведь она была невероятно красивой, а я – тощим и лысым уродцем.

«Ну давай же, Анна! Посмотри на меня».

Я тряхнул ее еще сильнее, только после этого она наконец открыла глаза – и я с облегчением выдохнул.

3

Анна

Я с трудом различала силуэт склонившегося надо мной Ти Джея, и мне пришлось довольно долго моргать, пока в глазах не перестало двоиться. Лицо его было

покрыто ссадинами, левый глаз опух.

– Где мы? – спросила я. Собственный голос показался мне неестественно грубым, а во рту стоял привкус соли.

– Не знаю. На каком-то острове.

– А что с Миком?

– Обломки самолета тут же пошли ко дну, – покачал головой Ти Джей.

– Я ничего не помню.

– Вы потеряли сознание прямо в воде, а когда я не смог привести вас в чувство, испугался, что вы умерли.

Голова раскалывалась, в висках стучало. Я потрогала лоб и поморщилась, нащупав здоровенную шишку. Щека была покрыта чем-то липким.

– У меня что, идет кровь?

Ти Джей склонился надо мной и пальцами раздвинул волосы на голове, чтобы осмотреть рану. Когда он прикоснулся к ней, я не сдержалась и вскрикнула от боли.

– Простите, – сказал он. – Очень глубокий порез. Но теперь кровь почти остановилась. В воде было гораздо хуже.

На меня накатила волна ужаса.

– А там были акулы?

– Не знаю. Я тоже об этом подумал, но ни одной не видел.

Я сделала глубокий вдох и села. Берег тут же поплыл перед глазами. Опершись руками о песок, я выжидала, пока голова не перестанет кружиться.

– А как мы сюда попали? – спросила я.

– Я продел руки в лямки вашего спасательного жилета, и мы плыли по течению, пока нас не прибило к берегу. Потом я вытащил вас на песок.

Когда я осознала случившееся и поняла, что€ он для меня сделал, то испытала настоящее потрясение. Я, наверное, с минуту молча смотрела на воду, не в силах подобрать слова. Я думала о том, что было бы, если бы он оставил меня одну в воде, или если бы на нас напали акулы, или если бы не было этого острова.

– Ти Джей, спасибо тебе.

– Не за что, – ответил он и, на мгновение встретившись со мной взглядом, смущенно отвернулся.

– А ты не ранен?

– Я в порядке. Вот только, похоже, немного расквасил нос. Врезался в спинку переднего кресла.

Я попыталась подняться, но не смогла: у меня ужасно кружилась голова. Ти Джей осторожно поддержал меня, и со второй попытки мне удалось встать на ноги. Я расстегнула спасательный жилет и бросила его на песок.

Повернувшись спиной к морю, я оглядела остров. Он был совсем как на картинке из интернета, только вот здесь не было ни роскошных отелей, ни летних домиков. Девственно-чистый, похожий на сахар песок скрипел под ногами; я была босиком – видимо, туфли свалились в воду. За пляжем начинались заросли цветущего кустарника и неизвестной мне пышной тропической растительности, а дальше высился густой лес. Деревья росли так плотно, что их листья образовывали нечто вроде зеленого тента. Солнце высоко в небе палило безжалостно, и было так жарко, что даже морской бриз не мог остудить разгоряченное тело, по лицу текли струйки пота, а одежда прилипала к влажной коже.

– Мне, пожалуй, лучше присесть.

У меня скрутило живот, и я решила, что меня сейчас вырвет. Ти Джей сел рядом, и, когда приступ тошноты прошел, я сказала:

– Не волнуйся. Они знают, что наш гидроплан разбился, и обязательно пошлют поисковый самолет.

– А вы хоть примерно представляете, где мы сейчас находимся?

– Не совсем, – ответила я и принялась чертить пальцем на песке что-то вроде карты: – Группа этих островов представляет собой цепь из двадцати шести атоллов, тянущихся с севера на юг. Мы направлялись вот сюда. – Я ткнула пальцем в одну из нарисованных точек. Затем провела пальцем по песку и ткнула в другую точку. – Это Мале. Отсюда мы вылетели. Похоже, мы где-то посередине, если, конечно, нас не отнесло течением восточнее или западнее. Не знаю, придерживался ли Мик заданного курса, регистрируют ли пилоты гидросамолетов планы полетов или просто отслеживают маршрут по радарам.

– Папа с мамой там, наверное, уже с ума сходят.

– Да уж.

Родители Ти Джея, несомненно, пытались дозвониться мне на сотовый, но он сейчас покоится на дне океана.

«Наверное, мы должны развести сигнальный костер? Ведь так все поступают в подобной ситуации? Надо развести костер, чтобы дать им понять, где мы».

Но я не имела ни малейшего представления о том, как его разводить. Мои навыки в области выживания ограничивались знаниями, полученными из телепередач и прочитанных книжек. Ни один из нас не носил очков. Так бы мы могли бы поместить линзу под углом к солнцу. А еще у нас не было ни кремня, ни кресала. Оставалась единственная надежда на то, что удастся добыть огонь при помощи силы трения. Но если потереть две палочки друг о друга, будет ли результат? Может, нам не стоит беспокоиться о сигнальном костре? По крайней мере, не сейчас. Они нас обязательно увидят, если будут лететь достаточно низко, а мы не станем уходить далеко от берега.

Мы попытались написать на пляже SOS. Мы вытоптали слово на песке, но поняли, что с воздуха его не разглядеть. Тогда в ход пошли листья, но морской ветер уносил их прежде, чем мы успевали составить из них буквы. На берегу даже не было крупных камней, чтобы прижать их. Только мелкая галька и обломки чего-то типа кораллов. От всей этой суеты мы только еще больше вспотели, а моя бедная голова сильнее разболелась. Наконец мы сдались и сели на песок.

Я чувствовала, что лицо у меня уже сгорело на солнце, а у Ти Джея ноги и руки стали бордовыми. Так что выбора не было – нам ничего не оставалось, как покинуть берег и укрыться под сенью кокосовой пальмы. Вся земля вокруг была усеяна кокосовыми орехами, а я точно знала, что в них есть вода. Мы изо всех сил колотили кокосами о ствол дерева, но расколоть так и не смогли.

У меня по лицу уже ручьем тек пот. Я убрала волосы с шеи и скрутила их на затылке. Язык распух, во рту так пересохло, что трудно было глотать.

– Пойду осмотрюсь, – сказал Ти Джей. – Может, где-то поблизости есть вода.

Ходил он недолго, и очень скоро я увидела, что он идет обратно к нашей кокосовой пальме, держа что-то в руке.

– Воды я не обнаружил, зато нашел вот что.

Это что-то было зеленым, размером с грейпфрут, с колючей шишковатой кожурой.

– Что это? – поинтересовалась я.

– Понятия не имею. Но может, у него внутри вода, как в кокосах.

Ти Джей ногтями снял кожуру. Что бы это ни было, жучки нас явно опередили. Ти Джей бросил плод на землю и отшвырнул подальше ногой.

– Я нашел его под деревом, – сказал он. – Там их полно, но они висят слишком высоко и мне не дотянуться. Если вы встанете мне на плечи, то сможете сбить один-другой с ветки. Как думаете, вы в состоянии идти?

– Только очень медленно, – кивнула я.

Когда мы подошли к дереву, Ти Джей подал мне руку и помог забраться к себе на плечи. Мой рост пять футов шесть дюймов[4 - 168 сантиметров.], а вес – сто двадцать фунтов[5 - 55 килограммов.]. Ти Джей выше меня по крайней мере на четыре дюйма[6 - 10 сантиметров.] и тяжелее, наверное, фунтов на тридцать[7 - 14 килограммов.], и тем не менее, когда он пытался меня удержать, то все же слегка покачнулся. Я тянулась изо всех сил, но никак не могла ухватиться за плод и решила сбить его с ветки. Я стукнула пару раз – безрезультатно, но, когда я ударила посильнее, он упал наконец на землю. Ти Джей спустил меня вниз, и я подняла наш трофей.

– Понятия не имею, что это за штука, – сказал Ти Джей, взяв у меня диковинный фрукт.

– Возможно, плод хлебного дерева.

– Это что?

– Фрукт, по вкусу похожий на хлеб.

Ти Джей очистил плод, и его сильный аромат напомнил мне запах гуавы. Мы разделили плод пополам и впились в его мякоть, густой сок приятно освежал наши пересохшие рты. Мы жевали и жадно глотали фрукт большими кусками. Внутри он был жестковатым, словно резиновым – видимо, он еще не созрел до конца, – но нам было все равно.

– Как-то не очень похоже на хлеб, – заметил Ти Джей.

– Возможно, для этого его нужно приготовить.

После того как мы доели первый плод, я снова забралась на плечи Ти Джею и сшибла еще пару штук, которые мы тут же приговорили.

Уже позже, после полудня, внезапно небеса разверзлись, и проливной дождь обрушился на нас. Мы тут же вышли из-под дерева, задрали головы и открыли рты, пытаясь поймать влагу, но дождь через десять минут закончился.

– Сейчас сезон дождей, – сказала я. – Они будут идти регулярно, может, даже по несколько раз за день.

Нам не во что было собирать дождевую воду, и те жалкие капли, что попали мне на язык, только усилили жажду.

– Ну где же они?! – спросил Ти Джей, когда солнце село за горизонт. Отчаяние в его голосе напомнило мне, что и я чувствую то же самое.

– Не знаю. – Я и сама не понимала, почему до сих пор нет самолета. – Они найдут нас завтра.

Мы вернулись на берег и растянулись на песке, положив под головы спасательные жилеты. Воздух стал заметно холоднее, и мне было неуютно под порывами тянувшего с моря прохладного ветра. Я обхватила себя руками, свернулась калачиком и стала слушать, как волны ритмично бьются о рифы.

Неожиданно мы услышали странный шум и не сразу поняли, что это такое. Воздух вдруг наполнился звуками хлопающих крыльев, а затем мы увидели смутные очертания сотен, может быть, тысяч летучих мышей. Они заслонили собой лунный свет, и я подумала, что, возможно, они висели у нас над головой, когда мы шли к хлебному дереву.

– В жизни не видел столько летучих мышей, – приподнявшись на локте, заметил Ти Джей.

Какое-то время мы просто молча наблюдали за ними, но в конце концов они постепенно исчезли. Наверное, отправились на охоту куда-нибудь подальше. Через минуту Ти Джей уже спал крепким сном. Я лежала, уставившись в черное небо, и думала о том, что в темноте нас, конечно, искать не будут. Любая спасательная операция, начатая в светлое время суток, не возобновится до наступления утра. Я представила себе, как обезумевшие родители Ти Джея считают часы до рассвета. А когда подумала о том, что они могли позвонить моим родителям, на глаза навернулись слезы.

А еще я вспомнила о своей сестре Саре и о нашем разговоре несколько месяцев назад. Мы встретились за обедом в мексиканском ресторане, и когда официант принес напитки, я сказала, сделав хороший глоток «Маргариты»:

– Я согласилась поработать репетитором. Ну, я тебе говорила. Буду учить парнишку, болевшего раком.

Я отставила бокал, положила немного сальсы на кусочек тортильи и отправила в рот.

– Это тот, семья которого берет тебя с собой на каникулы?

– Да.

– Ты уезжаешь так надолго. А что думает обо всем этом Джон?

– Мы с Джоном снова говорили о свадьбе. Но на сей раз я еще сказала, что хочу ребенка. – Я пожала плечами. – Решила пойти ва-банк.

– Ох, Анна, – вздохнула Сара.

До недавнего времени я особо не задумывалась о том, чтобы заводить детей. Меня вполне устраивала роль тети ребятишек Сары: двухгодовалой Хлои и пятилетнего Джо. Но затем все мои знакомые почему-то принялись просить меня подержать завернутого в одеяло младенца, и я вдруг осознала, что хочу иметь собственного. Я и сама не ожидала, что так помешаюсь на детях. Мне всегда казалось, что желание стать матерью приходит постепенно, но со мной это случилось в одночасье.

– Сара, я так больше не могу! – продолжила я. – Как он справится с ребенком, если даже не может решиться на брак? – Я покачала головой. – Мне казалось, что у других людей как-то проще получается. Они кого-то встречают, влюбляются и выходят замуж. И уже через год-другой имеют полноценную семью. И особо не заморачиваются. Так ведь? Но когда мы с Джоном пытаемся обсудить свое будущее – романтики в этом не больше, чем в оформлении сделки с недвижимостью. И конфликтов столько же. – Я схватила салфетку и вытерла глаза.

– Мне так жаль, Анна. Не понимаю, как ты можешь так долго все это терпеть. Семь лет – вполне достаточный срок, чтобы Джон определился, чего хочет.

– Восемь, Сара. Уже восемь лет. – Я взяла стакан и в два глотка прикончила «Маргариту».

– Ох! Похоже, я обсчиталась на один год.

К нам подошел официант и спросил, не хотим ли мы повторить заказ.

– Несите новый сразу, как бокал опустеет, – сказала Сара и, повернувшись ко мне, спросила: – Так чем же закончился ваш разговор?

– Я сказала, что уезжаю на все лето. Что мне надо побыть одной, чтобы разобраться в себе.

– И что он на это ответил?

– То же, что и всегда. Что он любит меня, но пока не готов. Он всегда был честен со мной, но, думаю, на сей раз он понял, что решение зависит не только от него.

– А ты с мамой об этом говорила? – поинтересовалась Сара.

– Да. Она посоветовала спросить себя, будет ли моя жизнь лучше с ним или без него.

Нам с Сарой здорово повезло. Наша мама умела давать простые, но практичные советы. При этом она всегда держала нейтралитет и никого не осуждала. Наши подруги говорили, что это большая редкость.

– Ну и какой твой ответ?

– Сара, я пока сомневаюсь. Я люблю его, но не считаю, что этого достаточно.

Мне нужно было время подумать, чтобы во всем разобраться, а Джейн и Том Каллахан обеспечили мне прекрасную возможность уехать подальше от Джона. Они буквально давали мне пространство, чтобы я могла принять решение.

– Он расценит это как ультиматум, – сказала Сара.

– Обязательно расценит. – Я сделала еще глоток «Маргариты».

– Ты хорошо держишься.

– Это потому, что я пока с ним не порвала.

– Возможно, расстаться на время – не самая плохая идея. Наведи порядок в голове и реши наконец, как ты хочешь прожить свою жизнь.

– Сара, я не должна сидеть и ждать его. У меня еще достаточно времени, чтобы найти человека, с которым наши желания совпадают.

– Конечно. Подумать только, срываешься и едешь в экзотическое место просто потому, что можешь себе такое позволить, – улыбнулась мне Сара, допила коктейль и, тяжело вздохнув, добавила: – Хотела бы я поехать вместе с тобой. Я в последний раз хоть как-то отдыхала, когда в прошлом году мы с Дэвидом и детишками отправились посмотреть на тропических рыбок в океанариум Шедда.

Сара умудрялась одновременно исполнять роль жены, матери и женщины, занятой полный рабочий день.

Для нее поездка в полном одиночестве на тропический остров была несбыточной мечтой, райским наслаждением.

Мы заплатили по счету, и уже по дороге к поезду я вдруг подумала о том, что наконец-то и на моей улице праздник. В моей ситуации есть плюсы: свобода выбора и возможность провести лето – если мне захочется – на прекрасном острове.

Но вот что из этого вышло.

Голова болела, живот крутило от голода, и меня еще никогда в жизни так не мучила жажда. Я лежала, положив голову на спасательный жилет, дрожа от холода, и гадала, сколько времени у них может уйти на то, чтобы нас найти.

4

Ти Джей

День второй

Я проснулся с рассветом. Анна уже не спала. Она сидела рядом со мной на песке и смотрела на небо. В животе урчало, во рту пересохло. Я сел.

– Привет! Как ваша голова?

– Все еще болит, – ответила она.

Анна ужасно выглядела. На распухших щеках виднелись багровые кровоподтеки, а на лбу, у линии волос, – корка засохшей крови.

Мы отправились к хлебному дереву, Анна снова забралась ко мне на плечи и сшибла два плода. Я чувствовал дикую слабость, ноги подкашивались, и держать ее мне было тяжело. Она слезла вниз, и не успели мы отойти от дерева, как с ветки прямо к нашим ногам свалился еще один фрукт. Мы переглянулись.

– Это бы сильно упростило нам жизнь, – сказала она.

Мы убрали подальше все гнилье, чтобы в будущем можно было есть все, что найдем под деревом. Я поднял упавший плод и почистил его. Сок был гораздо слаще, а мякоть легче жевалась.

Мы отчаянно нуждались в емкостях для воды, а потому отправились вдоль берега в поисках банок, бутылок, контейнеров – чего угодно, лишь бы только годилось для сбора дождевой воды. Но обнаружили лишь какие-то обломки – похоже, все, что осталось от разбившегося самолета. Никакого мусора, никаких следов присутствия человека… где же, черт возьми, мы находимся?

Тогда мы отправились в глубь острова. Ветви деревьев не пропускали солнечных лучей, и нас тут же облепила мошкара. Мне приходилось одновременно отмахиваться от них и вытирать пот со лба. Наконец мы вышли на полянку и

увидели маленький пруд. Скорее даже не пруд, а здоровую лужу мутной воды. И тут я почувствовал, что все, больше не могу, еще немного – и я умру от жажды.

– Интересно, это можно пить? – спросил я.

Анна опустилась на колени и окунула руку в воду. Она немного поболтала рукой в луже и поморщилась от неприятного запаха.

– Нет, это стоячая вода. Она может быть опасна.

Мы все брели и брели по лесу, но так и не нашли ничего пригодного для сбора воды, а потому снова вернулись к нашей кокосовой пальме. Я подобрал с земли кокос, стукнул им по стволу пальмы – безрезультатно – и, разозлившись, отшвырнул орех в сторону. Я с досады пнул дерево, но только ногу ушиб.

– Проклятье!

Если бы мне удалось расколоть орех, мы смогли бы выпить кокосовое молоко, съесть мякоть, а потом набрать воду в пустую скорлупу.

Анна, похоже, не заметила этой вспышки гнева. Она все качала головой и повторяла:

– Не понимаю, почему до сих пор нет самолета! Где же они?

Тяжело дыша и обливаясь по€том, я сел рядом.

– Не знаю.

Некоторое время мы сидели молча, каждый думал о чем-то о своем. Наконец я сказал:

– Может, нам стоит развести костер?

– А ты знаешь как? – спросила она.

– Нет. – Я был городским жителем и мог по пальцам одной руки сосчитать, сколько раз ходил в поход. И там мы разжигали костры с помощью зажигалок. – А вы?

– Нет.

– Ну, можно попробовать. Спешить-то нам некуда.

– Ладно, – улыбнулась она в ответ на мою неуклюжую попытку пошутить.

Битый час мы терли друг о друга две палочки, пытаясь добыть огонь. Анна умудрилась разогреть свои настолько, что обожгла палец, и только потом сдалась. У меня получилось чуть лучше – мне показалось, что появился слабый дымок, – но палочки так и не загорелись. А вот руки жутко устали.

– Все. Я пас! – Я отбросил палочки и вытер заливающий глаза пот краем футболки.

Снова пошел дождь. Я старался поймать языком теплые капли и радовался даже той малости, что удалось проглотить. Но уже через несколько минут дождь закончился так же неожиданно, как и начался.

Все еще обливаясь по€том, я спустился на берег, снял футболку и в одних шортах побрел по мелководью. Температура воды в лагуне была как в ванне, но, окунувшись с головой, я почувствовал, что стало вроде бы немножко прохладнее. Анна пошла за мной, но остановилась в нерешительности у кромки воды. Она села на песок и закрутила узлом свои длинные волосы, убрав их с шеи. Она, должно быть, совсем сварилась в джинсах и кофте. Через пару минут она поднялась и после секундного колебания решительно стянула через голову водолазку. Затем вылезла из джинсов, оставшись в одном нижнем белье – черном бюстгальтере и черных же трусиках, – и в таком виде направилась ко мне.

– Будем считать, что на мне купальник. Договорились? – сказала она, заходя в воду. Ее лицо было красным, и она старалась на меня не смотреть.

– Не вопрос. – Я был настолько ошеломлен, что практически потерял дар речи.

У нее было потрясающее тело. Длинные ноги, плоский живот. И очень красивый бюст. Мне, конечно, не стоило пялиться на ее прелести, но я просто не мог устоять. Вы, наверное, думаете, что в такой ситуации эрекции быть просто не может – когда человек мучается от голода и жажды, да и вообще ситуация – просто дрянь, – но вы ошибаетесь. Только когда я отплыл от нее подальше, я смог совладать с эмоциями.

Мы довольно долго пробыли в воде, а на берегу она уже одевалась, повернувшись ко мне спиной. Мы проверили свое хлебное дерево, но не нашли на земле ни одного упавшего плода. Тогда Анна опять залезла мне на плечи, и когда я помогал ей выпрямиться, поддерживая за бедра, воспоминание о ее голых ногах промелькнуло у меня в голове.

Ей удалось сбить два фрукта. Но есть мне особо не хотелось – весьма странно, по идее я должен был умирать от голода. Анна, кажется, тоже была не слишком голодна, потому что не стала есть фрукт, а только высосала из него сок.

Когда солнце спряталось за горизонт, мы растянулись на песке и принялись наблюдать за тем, как кружат в небе летучие мыши.

– Сердце что-то слишком часто бьется, – сказал я.

– Это симптом обезвоживания организма.

– А какие еще симптомы?

– Потеря аппетита. Отсутствие потребности в мочеиспускании. Сухость во рту.

– Это прямо про меня.

– У меня так же.

– Сколько мы сможем продержаться без воды?

– Дня три. Возможно, меньше.

Я попытался вспомнить, когда пил последний раз. Может, в аэропорту Шри-Ланки? Во время дождя мы глотали капли, но этого явно было недостаточно, чтобы остаться в живых. Когда я понял, что жить нам осталось недолго, то чуть не обделался со страху.

– А как насчет пруда?

– Не самая удачная идея, – ответила она.

Ни один из нас не признался в своих мыслях. Если мы окажемся перед выбором пить воду из пруда или не пить вовсе, то в любом случае напьемся из этой грязной лужи.

– Завтра они обязательно прилетят, – сказала она, но, похоже, сама себе не верила.

– Надеюсь, что так.

– Мне страшно, – прошептала она.

– Мне тоже. – Я лег на бок и еще очень долго не мог уснуть.

5

Анна

День третий

На следующее утро у нас обоих болела голова, и ужасно тошнило. Мы съели по кусочку плода хлебного дерева, и мне показалось, что меня вот-вот вырвет, но я сдержалась. И хотя у нас совсем не было сил, мы все же решили пойти на берег и попробовать разжечь сигнальный костер. Я надеялась, что уж сегодня-то самолет обязательно прилетит, а сигнальный костер был лучшим способом привлечь внимание.

– Вчера мы все делали неправильно, – сказал Ти Джей. – Прошлой ночью, перед тем как заснуть, я все думал об этом. И тут вспомнил одно шоу по телику, где какому-то парню пришлось добывать огонь. Так вот, он не тер палки друг о друга, а вращал одну палочку. У меня идея. Попробую раздобыть то, что мне надо.

Когда он ушел, я собрала в кучу все, что может гореть, на случай, если нам действительно удастся добыть огонь. Воздух был очень влажным, кажется, единственное, что осталось по-настоящему сухим на острове, – это слизистая моего рта. Все, что мне удалось собрать, на ощупь было сырым, но в результате я все же нашла жухлые листья на каком-то цветущем кусте. Кроме того, вывернув карманы джинсов, я обнаружила там несколько спутанных ниток и кинула в общую кучу.

К этому времени вернулся Ти Джей. Он принес палочку и небольшую деревяшку.

– Посмотри, у тебя в карманах, случайно, нет чего-нибудь для растопки? – спросила я его.

Он вывернул карманы, нашел какой-то мусор и протянул мне.

– Спасибо.

Я соорудила из листьев и бумажных катышков нечто вроде гнездышка. Кроме того, я набрала тонких прутиков, а еще сырых зеленых листьев, чтобы было больше дыма.

Ти Джей сел и поставил палку, которую держал строго вертикально, на деревяшку.

– Что ты делаешь? – поинтересовалась я.

– Пытаюсь понять, каким способом лучше вращать палку. – Он с минуту внимательно смотрел на полученную конструкцию. – Кажется, тот парень пользовался веревкой. Жаль, что я тогда скинул кеды, а то можно было бы взять шнурки.

Он крутил палку туда-сюда одной рукой, но недостаточно быстро, чтобы огонь занялся. По его лицу текли струйки пота.

– Твою мать! Это невозможно! – сказал он, прервавшись на пару минут, чтобы передохнуть.

Затем с удвоенной энергией решительно набросился на деревяшки. Теперь он зажал палку между ладонями и усиленно тер. Сейчас она вращалась значительно быстрее, и вскоре Ти Джей нашел нужный ритм. Через двадцать минут в выемке, которую Ти Джей проделал в деревяшке, образовалась горка черной пыли.

– Вы только посмотрите! – воскликнул Ти Джей, когда над дощечкой заструился слабый дымок.

Вскоре дыма стало еще больше. Пот заливал Ти Джею глаза, но он упрямо продолжал крутить палку.

– Теперь давайте нашу растопку.

Я положила сверху комок из листьев и ниток и, затаив дыхание, стала наблюдать за тем, как он осторожно дует в выемку в деревяшке. Он достал палочкой тлеющий красный уголек и положил на растопку. Затем поднял комок, поднес к губам и продолжил аккуратно дуть, пока он не загорелся прямо у него в руках. Ти Джей был так потрясен, что уронил все на землю.

– Боже мой! – воскликнула я. – Ты это сделал.

Мы положили сверху кусочки сухостоя, а когда огонь разгорелся, добавили в костер сучья, которые я успела собрать.

А затем лихорадочно бросились за новыми ветками. Мы уже бежали обратно с полными охапками веток и сучьев, когда небо затянули тучи и хлынул дождь. И вот за секунду прямо на наших глазах костер превратился в жалкую кучку обугленного дерева.

С тоской смотрели мы на его останки. Мне хотелось плакать. Ти Джей упал на колени. Я села рядом, и мы запрокинули головы, чтобы ловить ртом капли дождя. Дождь шел довольно долго, и на сей раз мне удалось хоть немножко смочить горло, но я думала только о том, сколько драгоценной влаги уходит в песок.

Я не знала, что сказать Ти Джею. Когда дождь закончился, мы легли под кокосовую пальму. Разговаривать не хотелось, да и что тут можно было сказать! Мы даже не могли сложить другой костер, так как песок и ветки насквозь промокли. А потому просто задремали, уставшие и подавленные.

Мы проснулись ближе к вечеру, есть почему-то совсем не хотелось. У Ти Джея не осталось сил, чтобы еще раз развести костер, да и незачем было пытаться, не изготовив сначала какой-нибудь навес. Сердце бешено колотилось, руки и ноги ломило. Я даже перестала потеть.

Когда Ти Джей встал и куда-то направился, я сразу поняла, что у него на уме, но не стала его останавливать. Меня и саму туда тянуло.

Мы подошли к пруду, я опустилась на колени, зачерпнула ладонью немного воды и поднесла к губам. На вкус она была отвратительной: горячей и чуть солоноватой, но мне тут же захотелось еще. Ти Джей встал на колени рядом со мной и принялся пить прямо из пруда. Напившись вволю, мы повалились на землю, и мне показалось, что меня сейчас стошнит, но я сдержалась. Меня тут же облепили комары, и пришлось отмахиваться от них рукой.

Мы побрели обратно к берегу. К тому времени уже успело стемнеть, так что мы просто легли на песок, подложив под головы спасательные жилеты. Я подумала, что все теперь будет в порядке. Мы выиграли немного времени. Завтра спасатели обязательно появятся.

– Ти Джей, мне очень жаль, что так вышло с нашим костром. Ты очень старался и проделал огромную работу. Я бы в жизни так не смогла.

– Спасибо, Анна.

Мы быстро уснули, правда, долго спать не пришлось. Проснувшись, я увидела, что небо совсем черное. Похоже, было далеко за полночь. Живот крутило,

однако я не придала этому особого значения и перевернулась на другой бок. Но тут накатил новый спазм, еще сильнее предыдущего. Я приподнялась на локте и застонала. На лбу выступил холодный пот. От шума проснулся Ти Джей.

– Что случилось? – спросил он.

– Живот болит.

Я молилась, чтобы спазмы прошли, но они только усиливались, и я поняла, к чему все идет.

– Не ходи за мной, – сказала я.

Я бросилась в лес и едва успела стащить джинсы и трусики, прежде чем испражниться. Когда приступ поноса закончился, я, обливаясь потом, скорчилась от боли на земле, спазмы шли волнами, одна за другой. Боль кругами распространялась вниз, до кончиков пальцев ног. Я еще долго лежала неподвижно, так как боялась, что любое неосторожное движение может усилить боль. Комары жужжали у самого лица.

А затем появились крысы.

Куда бы я ни бросила взгляд, везде я видела по паре горящих в темноте глаз. Одна из крыс пробежала у меня по ноге, и я завизжала как резаная. Вскочив на ноги, я судорожно натянула одежду, но от боли рухнула снова на землю. Я решила, что, наверное, умираю – какая угодно отрава могла быть в том пруду. Затем я просто лежала неподвижно. Измученная и слабая, не имея ни малейшего представления, где Ти Джей. Наконец я потеряла сознание.

Меня разбудило какое-то жужжание. Комары. Но солнце уже взошло, все насекомые и крысы давно исчезли. Я подтянула колени к груди и попыталась задрать голову.

Вдруг меня осенило: это же звук самолета!

Я встала на четвереньки и поползла в сторону пляжа, истошно выкрикивая имя Ти Джея. Наконец я поднялась на ноги и заковыляла к берегу, из последних сил

размахивая поднятыми над головой руками. Я не видела самолета, но прекрасно его слышала – звук двигателя постепенно затихал.

«Они нас ищут. В любой момент они могут повернуть назад».

Гул становился все тише и вскоре исчез вдали.

У меня подкосились ноги, я рухнула на песок и разрыдалась. Я лежала на боку, горестно всхлипывая, и тупо смотрела невидящими от слез глазами на океан.

Я потеряла счет времени, но, очнувшись, увидела склонившегося надо мной Ти Джея.

– Там был самолет, – сказала я.

– Я слышал. Но просто не мог пошевелиться.

– Они обязательно вернутся.

Но они не вернулись.

В тот день я постоянно плакала. Ти Джей как-то странно притих. Он лежал с закрытыми глазами, и я не могла понять, то ли он спит, то ли просто слишком устал, чтобы разговаривать. Мы больше не пытались развести костер или поесть плодов хлебного дерева. Из-под кокосовой пальмы мы выходили, только когда начинался дождь.

Когда стемнело, мы переместились на берег – я старалась держаться подальше от леса. Я лежала на песке рядом с Ти Джеем и думала только об одном: если не прилетит другой самолет или нам не удастся найти емкости для воды, мы оба точно умрем.

Ночью я никак не могла уснуть, а когда наконец забылась тяжелым сном, то проснулась от собственных воплей: мне приснилось, что крыса грызет мою ногу.

6

Ти Джей

День четвертый

Я с трудом оторвал голову от песка, разбуженный первыми лучами солнца, и обнаружил, что ночью к берегу прибило две подушки от самолетных кресел, а еще мой взгляд привлек какой-то синий предмет. Я перекатился поближе к Анне и потряс ее за плечо. Она смотрела на меня глубоко запавшими глазами, губы ее потрескались и кровоточили.

– Что это? – Я указал на непонятную вещь, и это движение далось мне с таким трудом, что рука безвольно упала на песок.

– Где?

– Вон там. Рядом с подушками от кресел.

– Понятия не имею, – ответила она.

Приподнявшись на локте, я ладонью заслонил глаза от солнца. Предмет мне показался знакомым, и неожиданно я понял, что€ передо мной.

– Это мой рюкзак! Анна, это мой рюкзак!

Качаясь от жуткой слабости, я встал, подошел к воде и схватил рюкзак. Затем вернулся на место, опустился на колени рядом с Анной, расстегнул молнию и вытащил бутылку воды, которую она дала мне в аэропорту Мале.

– Боже мой! – воскликнула она.

Я отвернул крышку, и мы стали передавать бутылку друг другу, стараясь не пить слишком быстро. В бутылке было тридцать две унции[8 - Приблизительно литр.], мы выхлебали все до капли, но утолить жажду я так и не смог.

Анна подняла вверх пустую бутылку:

– Если мы сделаем из листа воронку, то сможем набирать в нее воду.

На дрожащих ногах мы добрели до хлебного дерева и сорвали с нижней ветки большой лист. Анна откромсала все лишнее и, скрутив лист наподобие широкой воронки, вставила в горлышко бутылки. Под деревом лежало целых четыре плода. Мы подобрали их и съели целиком.

Я вытряхнул на землю содержимое рюкзака. Моя бейсболка с логотипом Chicago Cubs насквозь промокла, тем не менее я тут же ее нацепил. А еще там были серая кофта с капюшоном, две футболки, две пары шорт, трусы и носки, зубная щетка, паста и мой CD-плеер. Во рту у меня словно кошки нассали. Я открутил колпачок тюбика пасты, выдавил немного на щетку и протянул Анне:

– Если хотите, можете пользоваться моей щеткой.

– Согласна. Но ты первый.

Почистив зубы, я сполоснул щетку морской водой и протянул ее Анне. Она выдавила еще немного пасты и тоже почистила зубы.

– Спасибо.

Мы с нетерпением ждали дождя, а когда вскоре после полудня он таки пошел, сидели и смотрели, как наполняется наша бутылка. Я протянул ее Анне. Она выпила половину и отдала мне. Допив воду, мы снова вставили в горлышко лист, и бутылка вновь наполнилась.

И мы опять выпили все до капли. Мы все еще ужасно хотели пить, но у меня хотя бы забрезжила надежда, что теперь мы выживем.

Итак, мы нашли способ собирать воду, у нас было хлебное дерево, и мы знали, что сумеем добыть огонь. А теперь нам нужен был навес, чтобы наш костер не заливало дождем.

Анна хотела построить его на берегу, потому что до дрожи боялась крыс. Мы отломали от дерева две рогатины, воткнули их в песок и положили сверху самую длинную палку из тех, что удалось найти. Мы добавили еще веток по бокам, чтобы получилось нечто вроде хлипкого шалаша. На пол положили листья хлебного дерева, оставив небольшой круг в центре для костра. Анна набрала мелкой гальки и выложила вокруг костровища. Конечно, внутри будет дымно, зато это отгонит мошкару.

Мы решили подождать до утра, а там снова попробовать развести костер. Теперь, когда у нас был шалаш, мы могли собирать хворост и хранить его под навесом, чтобы дрова оставались сухими.

Снова зарядил дождь, и нам удалось трижды наполнить бутылку для воды; в жизни не пробовал ничего вкуснее.

Когда солнце стало клониться к закату, мы взяли подушки от кресел, спасательные жилеты, мой рюкзак и отнесли все в шалаш.

– Спокойной ночи, Ти Джей, – сказала Анна, положив голову на подушку. Нас разделял только импровизированный очаг.

– Спокойной ночи, Анна.

7

Анна

День пятый

Я открыла глаза. Сквозь тонкие стены шалаша пробивался солнечный свет.

Чувство тяжести в мочевом пузыре – давно забытое ощущение – поначалу удивило меня, а потом обрадовало.

«Я хочу писать!»

Тихонько, чтобы не разбудить Ти Джея, я вылезла из шалаша и углубилась в лес. Я пристроилась за деревом, и мне в нос тут же ударил резкий аммиачный запах собственной мочи.

Когда я вернулась, Ти Джей стоял возле шалаша.

– Где вы были? – спросил он.

– Мне надо было в туалет. Похоже, обезвоживание нам больше не грозит.

– Дай пять! – улыбнулся он и тоже двинулся в сторону леса.

Я подождала Ти Джея, и мы отправились к нашему хлебному дереву, где обнаружили три упавших плода. Мы сели на землю и позавтракали.

– Давайте, я осмотрю вашу рану, – предложил Ти Джей. Я наклонила голову, и Ти Джей осторожно отодвинул волосы и ощупал ссадину. – Уже лучше. Хотя лучше было бы наложить швы. Крови я не вижу, но у вас такие темные волосы, что трудно сказать наверняка. И синяки на щеке вроде стали бледнее, – сообщил он.

Ти Джей тоже выглядел гораздо лучше. Заплывший глаз начал потихоньку открываться, а порезы мало-помалу заживали. Он отделался легким испугом, и все благодаря тому, что был пристегнут к креслу. На его красивом, хоть пока и юном, лице не останется шрамов, напоминающих об авиакатастрофе. Не думаю, что мне повезет так же, но сейчас это не имеет значения.

После завтрака Ти Джей разжег новый костер.

– Не ожидала от городского мальчика, – легонько сжав его плечо, сказала я.

Он улыбнулся, явно гордясь собой, и добавил еще несколько веток, чтобы пламя поднялось повыше.

– Спасибо, – вытерев заливавший глаза пот, ответил он.

– Покажи мне руки.

Ти Джей протянул ладони. Загрубевшая кожа была сплошь в кровавых мозолях и волдырях. Когда я дотронулась до его руки, он непроизвольно поморщился.

– Наверное, очень больно…

– Ну да, – согласился он.

Шалаш наполнился едким дымом, зато теперь костер был защищен от дождя. Если мы услышим самолет, то просто снесем навес и бросим в огонь зеленых листьев, чтобы поднялось побольше дыма.

Я еще никогда так долго не обходилась без душа и чувствовала, что от меня уже начинает попахивать.

– Пойду-ка попробую привести себя в порядок, – сказала я. – А ты пока здесь посиди. Хорошо?

Он кивнул и достал из рюкзака майку.

– Может, наденете? Вы, наверное, спарились в кофте с длинным рукавом.

– Да, спасибо. – Его футболка будет висеть на мне как целое платье, но какая разница.

– Я дал бы вам свои шорты, но, боюсь, вы в них утонете.

– Все нормально. Майка вполне сгодится.

Я отошла подальше, и только когда шалаш скрылся из виду, сбросила с себя одежду. Запрокинув голову, я пристально посмотрела на голубое, без единого облачка небо.

«Сейчас самое подходящее время для появления самолета. Кто-нибудь да должен заметить голую женщину на берегу».

Распугивая мелкую рыбешку, я шла по мелководью. Солнечные ожоги на тыльной стороне моих ладоней и ступней превратились в темный загар, они резко контрастировали с бледными руками и ногами.

Спутанные волосы, спускавшиеся ниже лопаток, были все в колтунах.

Как могла, я обтерлась рукой, а затем сгребла брошенную на берег одежду и сполоснула в море. Я прочесала пятерней волосы и очень пожалела, что у меня нет резинки, чтобы завязать хвост.

Чуть-чуть отмывшись, я надела мокрые трусики и бюстгальтер и натянула через голову майку Ти Джея. Она доходила мне до середины бедра, так что о джинсах можно было не беспокоиться.

– Похожу пока без штанов, – сказала я, вернувшись к шалашу. – Мне жарко, и вообще я хочу их высушить.

– Тоже мне, большое дело, – ответил Ти Джей.

– Жаль, что у нас нет рыболовных снастей. В лагуне полно рыбы. – При слове «рыба» у меня потекла слюна, а в животе заурчало.

– Можно попробовать поймать ее гарпуном. Я сейчас схожу помоюсь, а потом поищем палки подлиннее. Заодно и дров наберем.

Пять минут спустя Ти Джей вернулся уже в чистой одежде, с мокрыми волосами. В руках он сжимал какой-то крупный, громоздкий предмет.

– Смотрите, что я нашел в воде!

– Что это?

Он положил странный предмет на песок и перевернул так, чтобы можно было прочесть надпись на боку.

– Надо же, спасательный плот с самолета! – опустившись на колени, воскликнула я. – Помню, я его видела, когда искала жилеты.

Мы открыли контейнер и вытащили плот. Я разорвала вложенный в контейнер водонепроницаемый пакет, достала листок с описанием комплектации и прочла вслух:

– «Тент, находящийся в ящике с аварийным комплектом, снабжен двумя роллетными дверьми и коллектором для сбора дождевой воды на крыше. Аварийный комплект включает аварийный радиомаяк и передатчик».

У меня словно выросли крылья.

– Ти Джей, где ящик с аварийным комплектом?

Ти Джей заглянул в контейнер и достал еще один водонепроницаемый пакет. Разорвав дрожащими руками тонкий пластик, я проделала в пакете здоровую дыру и вывалила содержимое на песок. Мы перерыли все, что там нашлось, – толкаясь локтями и выхватывая вещи друг у друга, мы внимательно осматривали каждый предмет.

Но не нашли ничего, что приблизило бы нас к спасению.

Ничего, напоминающего средства связи.

Все. Надежды рухнули.

– Похоже, они решили, что аварийный комплект – это уже излишняя роскошь.

Ти Джей молча покачал головой.

Я представила себе, что было бы, найди мы аварийный радиомаяк.

«И что, ты просто включила бы его и ждала бы, когда за вами прилетят?»

На глаза навернулись слезы. Смахнув их, я приступила к изучению содержимого ящика со спасательным комплектом: нож, аптечка, брезент, два одеяла, веревка и два складных пластиковых контейнера объемом шестьдесят четыре унции[9 - Приблизительно 2 литра.].

Я открыла аптечку. Тайленол, бенадрил[10 - Антигистаминный препарат.], мазь с антисептиком, гидрокортизон[11 - Противовоспалительная мазь.], пластыри, спиртовые салфетки и имодиум[12 - Средство от диареи.].

– Покажи руки, – сказала я Ти Джею.

Он протянул мне ладони, и я смазала волдыри антибиотиком и заклеила пластырем.

– Спасибо.

– Запомни: это может спасти тебе жизнь, – сказала я, указывая на упаковку бенадрила.

– Каким образом?

– Устраняет аллергическую реакцию.

– А это для чего? – Ти Джей ткнул пальцем в белый флакончик.

– Имодиум. Против расстройства желудка, – смущенно отвернувшись, сказала я.

В ответ Ти Джей только легкомысленно фыркнул.

Спасательный плот надувался с помощью баллона с углекислым газом. Когда мы нажали на кнопку, газ так быстро наполнил резиновую оболочку, что нам пришлось отскочить в сторону. Мы закрепили тент и коллектор для сбора дождевой воды. Спасательный плот чем-то походил на надувной домик для детей, в котором так любили резвиться мои племянники, разве что размером меньше.

– Это должно вместить около трех галлонов[13 - Примерно 11 литров.] воды, – указала я на коллектор.

Меня опять мучила жажда. Надеюсь, сегодня дождь не заставит себя ждать.

По бокам тента болтались нейлоновые клапаны, закреплявшиеся с помощью липучек. В дневное время их можно было поднимать, чтобы впустить внутрь больше воздуха и света. Вход закрывали роллетные двери.

Прежде чем отправиться к нашей кокосовой пальме, мы оттащили плот к шалашу и подбросили сухих веток в костер. Ти Джей вскрыл кокос, воткнув в него нож и стукнув кулаком по рукоятке. Я тут же подставила пластиковый контейнер, чтобы собрать молоко.

– Я думал, оно слаще, – глотнув из контейнера, заметил Ти Джей.

– Я тоже.

На вкус молоко немного горчило, но в целом сгодится.

Ти Джей ножом выскреб мякоть. Я так проголодалась, что, казалось, готова была съесть все лежащие под пальмой кокосы. Мы с Ти Джеем умяли пять штук, и только тогда чувство голода немного поутихло. Ти Джей на этом не остановился и съел еще один. Мне даже стало любопытно, сколько может влезть в шестнадцатилетнего подростка.

Дождь начался час спустя. Мы с Ти Джеем, насквозь промокшие, но страшно довольные, смотрели, как вода наполняет контейнеры. Придя в восторг от такого изобилия, я выпила столько, что чуть не лопнула, жидкость булькала в животе при каждом движении.

Через час нам обоим снова захотелось писать. Обрадованные тем, что организм, похоже, приходит в норму, мы съели еще один кокос и плод хлебного дерева.

– Пожалуй, кокосы мне нравятся больше, – сказала я.

– Мне тоже. Хотя теперь, когда у нас есть огонь, можно попробовать поджарить плоды хлебного дерева. Вдруг так будет вкуснее.

Мы набрали еще веток для растопки, а также длинных палок, чтобы использовать в качестве гарпуна. Для защиты от дождя крышу шалаша мы накрыли брезентом, закрепив его для надежности веревкой.

Ти Джей сделал пять зарубок на стволе дерева. О самолете мы не заговаривали.

Когда пришло время ложиться спать, мы подбросили в костер побольше дров, но так, чтобы не подпалить шалаш. Ти Джей забрался в спасательный плот. Надев рубашку, которую он мне дал в качестве ночнушки, я залезла следом и опустила за собой сетчатые двери. По крайней мере, теперь у нас была хоть какая-то защита от комаров.

Мы опустили нейлоновые клапаны, прикрепив их липучками к полу. Я расстелила одеяла, а в изголовье положила подушки от сидений. Одеяла были жутко колючими, зато хорошо согревали. Итак, холодные ночи нам больше не страшны. Подушки были тонкими и пахли плесенью, но все лучше, чем спать на голой земле.

– Просто фантастика, – сказал Ти Джей.

– Знаю.

Спасательный плот был чуть меньше двуспальной кровати, и нас с Ти Джеем разделяло всего несколько дюймов. Но я так устала, что мне было наплевать.

– Спокойной ночи, Ти Джей.

– Спокойной ночи, Анна, – отозвался он сонным голосом, потом перевернулся на другой бок и отключился.

Через секунду я тоже провалилась в сон.

Я проснулась среди ночи, чтобы проверить, как там огонь. Увидев, что от костра остались едва тлеющие угольки, я добавила сухостоя и, поднимая столб искр, пошуровала длинной палкой. Огонь снова разгорелся, и я со спокойной душой пошла спать дальше.

Когда я укладывалась рядом с Ти Джеем, он неожиданно проснулся.

– Что случилось? – спросил он.

– Ничего. Подбросила дров в костер, только и всего. Спи спокойно.

Я закрыла глаза и до рассвета уже не просыпалась.

8

Ти Джей

Я проснулся от того, что у меня опять встал.

Обычная история, от меня тут ничего не зависит. Сейчас, когда мы чуть-чуть оклемались, мое тело, должно быть, решило, что пора возвращаться в штатный режим работы. А если спишь рядом с девушкой, особенно такой красивой, как Анна, – утренняя эрекция гарантирована.

Она спала на боку, повернувшись ко мне. Порезы на ее лице потихоньку затягивались и, к счастью для нее, были не настолько глубокими, чтобы остались шрамы. Ночью она сбросила с себя одеяло, и я теперь разглядывал ее ноги – вот уж чего не стоило бы делать с учетом происходящего у меня в штанах. Если она сейчас откроет глаза, то обязательно заметит, что я на нее пялюсь, поэтому я выполз наружу и, чтобы отвлечься от стояка, занялся решением задачек по геометрии.

Анна проснулась десять минут спустя. Мы позавтракали кокосом и плодом хлебного дерева, после чего я почистил зубы, прополоскав рот дождевой водой.

– Вот, пожалуйста, – протянул я ей пасту и зубную щетку.

– Спасибо. – Она выдавила немного пасты и тоже почистила зубы.

– Может быть, сегодня прилетит другой самолет, – сказал я.

– Может быть, – не глядя на меня, ответила Анна.

– Хочу сходить на разведку. Посмотреть, что еще здесь есть.

– Нам надо быть осторожнее. У нас ведь нет обуви, – заметила Анна.

Я дал ей пару своих носков, чтобы она не ходила босиком. Спрятавшись за шалаш, я надел джинсы, чтобы хоть как-то защититься от комаров, и мы отправились в лес.

Влажный воздух обволакивал кожу. Нас тут же облепила мошка, так что пришлось держать рот закрытым и отмахиваться руками. Чем дальше мы углублялись в лес, тем сильнее становился запах гниющих растений. Полог густой листвы практически не пропускал солнечных лучей, было так тихо, что мы слышали только звук нашего тяжелого дыхания. Я успел уже насквозь пропотеть, и оставалось только гадать, когда же наконец закончатся эти проклятые деревья и мы окажемся на другой стороне острова.

Спустя минут пятнадцать мы наткнулись на хижину. Анна слегка отстала, и я обнаружил домик первым. Резко остановившись, я повернулся и знаком показал Анне, чтобы поторапливалась.

Она догнала меня и замерла на месте.

– Что это? – прошептала она.

– Понятия не имею.

В пятидесяти футах от нас виднелась деревянная хижина размером не больше одноместного трейлера. Может быть, на острове еще кто-то живет? Кто-то, кто не посчитал нужным с нами познакомиться. Мы осторожно подошли к хижине. Входная дверь, болтавшаяся на ржавых петлях, была открыта, и мы заглянули внутрь.

– Эй, есть кто? – спросила Анна.

Не получив ответа, мы перешагнули через порог и ступили на деревянный пол. В дальнем конце комнаты без окон мы увидели еще одну дверь – закрытую. Комната оказалась абсолютно пустой. Вообще никакой мебели. Неловко задев

ногой груду одеял в углу, я тут же отскочил как ошпаренный – оттуда во все стороны поползли насекомые. Когда глаза привыкли к царящему здесь полумраку, я заметил здоровый металлический ящик для инструментов. Я наклонился и открыл его. И обнаружил там молоток, несколько упаковок с гвоздями и шурупами, рулетку, плоскогубцы и ножовку. Анна нашла ворох одежды, вытащила из него рубашку – и рукав отвалился.

– Думала, это может пригодиться. Но не судьба, – скривилась она.

Я открыл дверь во вторую комнату, и мы, крадучись, вошли внутрь. На полу валялись пустые упаковки из-под картофельных чипсов и обертки от шоколадных батончиков. Там же лежал пластиковый контейнер с широким горлышком. Я поднял его и заглянул внутрь. Пусто. Тот, кто здесь жил, вероятно, использовал контейнер для сбора воды. Может быть, если бы мы сразу обследовали остров и нашли заброшенную хижину, нам не пришлось бы пить воду из пруда. И тогда мы оказались бы на берегу, когда над островом пролетал самолет.

Анна посмотрела на контейнер в моей руке. Должно быть, она подумала о том же, так как грустно сказала:

– Ти Джей, что сделано, то сделано. Все, проехали.

На полу неопрятной грудой лежал заплесневелый спальный мешок. В углу мы увидели прислоненный к стене черный футляр. Я открыл замки и поднял крышку. Внутри была акустическая гитара в хорошем состоянии.

– Ну и дела! – воскликнула Анна.

– Неужели здесь кто-то жил?

– Похоже, что так.

– Интересно, чем он занимался?

– Изображал Джимми Баффета? – Анна покачала головой. – Если серьезно, то понятия не имею. В любом случае, похоже, здесь уже давно никто не живет.

– Это не самодельные доски. Похоже, они с лесопилки. Не знаю, как уж он их сюда доставил – по морю или по воздуху, – но этот парень был настроен вполне серьезно. Интересно, куда он подевался?

– Ти Джей, – сказала Анна, и глаза у нее округлились, – а может, он еще вернется?

– Надеюсь, что так.

Я положил гитару в футляр и протянул Анне. Затем взял ящик с инструментами, и мы пошли назад к нашему лагерю.

Когда пришло время обеда, Анна поджарила плоды хлебного дерева на плоском камне у костра, а я расколол несколько кокосов. Мы съели все до последнего кусочка – на вкус плоды хлебного дерева так и не стали похожи на хлеб – и запили кокосовым молоком. Но долго высидеть в шалаше было невозможно: днем на улице было около девяноста градусов, да еще жар от костра. По разгоряченному лицу Анны ручьем тек пот, влажные волосы прилипли к шее.

– Не хотите искупаться? – спросил я и тут же пожалел о своих словах. Вдруг она решит, что мне не терпится снова посмотреть на нее в белье.

– Да. Умираю от жары, – поколебавшись, ответила Анна.

Мы спустились к берегу. Я не успел переодеться в шорты, а потому вылез из джинсов, затем снял футболку и носки. И остался в серых «боксерах».

– Будем считать, что это плавки, – сказал я Анне.

– Договорились, – покосившись на мое нижнее белье, улыбнулась Анна.

Я ждал ее в лагуне, стараясь особо не пялиться. Если ей приходится раздеваться у меня на глазах – не стоит совсем уж борзеть.

И все же у меня опять встал, но я надеялся, что она не заметила.

Мы немного поплавали, а выйдя из воды, оделись и сели на песок. Анна задумчиво смотрела в небо.

– Я была уверена, что тот самолет обязательно прилетит, – сказала она.

Когда мы вернулись в шалаш, я подбросил в костер еще дров. Анна вытащила одеяло, расстелила на земле и села. Я взял гитару и устроился рядом.

– Ты что, умеешь играть? – удивилась она.

– Нет. Просто один из друзей научил парочке аккордов из песни. – Я тронул струны и заиграл начало Wish You Were Here.

– Pink Floyd, – улыбнулась Анна.

– Вам нравится Pink Floyd?

– Люблю эту песню, – кивнула она.

– Правда? Фантастика. В жизни бы не подумал.

– Почему? И какую музыку, по-твоему, я слушаю?

– Не знаю. Что-то типа Мэрайи Кэри.

– А вот и нет. Мне нравится более старая музыка, – пожала плечами Анна. – Оно и понятно. Я ведь родилась в семьдесят первом.

– Неужели вам тридцатник? – я быстро прикинул в уме ее возраст.

– Да.

– А я думал лет двадцать пять. Может, двадцать четыре.

– Даже не знаю, хорошо это или плохо, – покачав головой, тихо рассмеялась она.

– Просто хотел сказать, что с вами удивительно легко разговаривать.

В ответ она только мило улыбнулась.

Я еще немного посидел, перебирая струны и наигрывая рифф из репертуара Pink Floyd, но стертые в кровь руки сильно болели, так что пришлось оставить это дело.

– Если бы мы нашли, из чего сделать крючок, я мог бы смастерить удочку, – заметил я. – Из гитарной струны получится нормальная леска. – Тут я вспомнил о гвоздях в ящике с инструментами, но рыба здесь водилась очень мелкая, поэтому крючок для нее нужен был потоньше и поменьше.

Уже позже, когда мы легли спать, Анна сказала:

– Надеюсь, вечеринка, из-за которой ты задержался, того стоила.

– Не было никакой вечеринки. Это просто отмазка для родителей.

– А что тогда было?

– Родители Бена уехали из города. А его двоюродного брата отпустили из колледжа на каникулы. И он собирался прийти со своей девушкой. Она обещала пригласить двух подружек, и Бен вбил себе в голову, что сможет трахнуть одну из них. Я поспорил с ним на двадцать баксов, что ничего у него не выйдет. – Я, конечно, не стал говорить Анне, что тоже хотел попытать счастья.

– Ну и как, удалось ему?

– Они так и не пришли. Мы просидели всю ночь. Пили пиво и играли в видеоигры. А через два дня я уже летел с вами в одном самолете.

– Ох, Ти Джей, мне очень жаль, – сказала она.

– Да уж, – согласился я и, подождав минуту, спросил: – А кто был тот парень в аэропорту?

– Мой бойфренд. Его зовут Джон.

Я сразу вспомнил, как тот целовал ее. Казалось, еще немножко – и он достанет ей языком до самых гланд.

– Вы, наверное, очень по нему скучаете.

Она замялась, но в конце концов сказала:

– Ну, не настолько сильно…

– Что это значит?

– Ничего. Все слишком сложно. Долго объяснять.

Я повернулся на бок, подложив под голову подушку от сиденья.

– А почему вы решили, что тот самолет больше не вернется?

– Не знаю, – ответила она, но, похоже, слукавила.

– Они что, считают, будто мы погибли?

– Надеюсь, что нет, – вздохнула она. – Потому что тогда они прекратят поиски.

9

Анна

На следующее утро Ти Джей ножом заострил концы двух длинных палок.

– Ну что, готовы поймать пару рыбешек?

– Еще бы!

Когда мы подошли к берегу, Ти Джей наклонился и что-то поднял с песка.

– Это, должно быть, ваша, – он протянул мне синюю балетку.

– Точно, моя. – Я бросила взгляд в сторону океана. – Может, и вторую прибьет волной.

Мы зашли по пояс в воду. В то утро жара была не такой удушающей, поэтому я надела футболку Ти Джея, а не пошла в воду в одном белье, как в прошлый раз. Подол тут же намок и облепил бедра. Больше часа мы безуспешно пытались поймать хоть что-нибудь. Но при малейшем нашем движении мелкие шустрые рыбки тут же бросались врассыпную.

– Как думаешь, может, стоит попытать счастья, где поглубже? – спросила я.

– Не знаю. Рыба там крупнее, но труднее будет управляться с нашим копьем.

Тут я заметила что-то в воде.

– Ти Джей, что это? – спросила я, заслонив глаза рукой от яркого солнца.

– Где?

– Там, впереди. Видишь, качается на волнах.

Ти Джей, прищурившись, посмотрел вдаль.

– Ох, твою ж мать! Анна, не смотрите!

Слишком поздно.

Секундой ранее до меня дошло, что передо мной. Я выронила гарпун, и меня стошнило прямо в воду.

– Его скоро прибьет волной. Давайте лучше вернемся на берег, – сказал Ти Джей.

Я вышла вслед за ним из воды. Когда я оказалась на песке, меня снова вырвало.

– Он уже здесь? – вытерев рот тыльной стороной ладони, спросила я.

– Ну, почти.

– Что же нам делать?

– Похороним где-нибудь, – неуверенно ответил Ти Джей. – Можно завернуть его в одно из одеял, если вы не против.

Жаль, конечно, было расставаться с частью наших скудных пожитков, но надо было завернуть тело хоть во что-то, чтобы отдать пилоту последнюю дань уважения. Да и – чего душой кривить – я ни за что не притронулась бы к мертвому телу голыми руками.

– Пойду принесу одеяло. – Это был хороший предлог, чтобы не смотреть, как труп выносит на берег.

Вернувшись с одеялом, я протянула его Ти Джею, и мы, помогая себе ногами, общими усилиями закатали тело в импровизированный саван. В нос ударил гнилостный запах – запах разложившейся в воде плоти, и, чтобы справиться с рвотными позывами, я поспешно прикрыла лицо локтем.

– Мы не можем похоронить его на берегу, – сказала я.

– Не можем, – покачал головой Ти Джей.

Мы выбрали место под деревом, на приличном расстоянии от шалаша, и принялись раскапывать руками мягкую землю.

– Ну что, такой хватит? – заглянув в яму, спросил Ти Джей.

– Думаю, да.

Нам не требовалась могила побольше, потому что акулы отъели Мику ноги и часть туловища. И руку. А еще кто-то поработал над его раздувшимся белым лицом. На шее у него висели какие-то лохмотья – все, что осталось от майки из варенки.

Ти Джей подождал, пока я справлюсь с тошнотой, после чего я взялась за угол одеяла и помогла оттащить Мика к могиле и опустить в яму. Мы присыпали его землей и выпрямились.

Тихие слезы катились по моему лицу.

– Он умер еще до того, как мы ударились о воду, – твердо сказала я.

– Да, – согласился Ти Джей.

Пошел дождь, и мы, вернувшись к спасательному плоту, залезли внутрь. Благодаря тенту, внутри было сухо, но я все равно дрожала мелкой дрожью. Я натянула одеяло – теперь нам приходилось делить одно на двоих – и провалилась в сон.

Проснувшись, мы отправились за кокосами и плодами хлебного дерева. Разговаривать особо не хотелось.

– Вот, возьмите, – протянул мне Ти Джей кусочек кокоса.

– Нет, не могу. Съешь сам, – оттолкнула я его руку.

Мой желудок взбунтовался. У меня перед глазами до сих пор стояла та жуткая картина – изуродованное тело бедняги Мика.

– Вас все еще мутит?

– Да.

– Выпейте хотя бы кокосового молока, – предложил Ти Джей.

Я поднесла пластиковый контейнер к губам и сделала большой глоток.

– Ну как, полегче?

– Да, – кивнула я. – Ничего, мне просто нужно время, чтобы прийти в себя.

– Пойду схожу за хворостом.

– Хорошо.

Не успел он уйти, как я почувствовала, что протекла.

«О Господи, только не это!»

Молясь, чтобы тревога оказалась ложной, я отошла подальше и спустила джинсы. На белой ластовице трусиков виднелось бесспорное доказательство того, что у меня начались месячные.

Я кинулась к шалашу и схватила свою кофту. Затем, вернувшись в лес, оторвала от нее тонкую полоску, скатала и положила в трусики между ног.

«Хоть бы этот ужасный день поскорее закончился!»

Когда солнце скрылось за горизонтом, меня заели москиты – облепили все руки.

– Вы решили, что лучше москиты, чем эта жара? – заметив, как я отмахиваюсь от мошкары, сказал Ти Джей. Он уже успел переодеться в фуфайку и джинсы.

Я думала о своей кофте с длинным рукавом, которую спрятала под кустом – надеюсь, не забуду, под которым.

– Угу, вроде того.

Ти Джей

Следующие восемнадцать дней мы питались исключительно кокосами и плодами хлебного дерева, одежда уже висела на нас мешком. Во сне у Анны бурчало в животе, а меня мучили дикие рези. Я перестал верить, что нас продолжают искать, и к болям в животе добавилось сосущее чувство под ложечкой, не имевшее никакого отношения к голоду, – оно возникало всякий раз, как я думал о семье и друзьях.

Я хотел произвести впечатление на Анну, поймав рыбу с помощью копья – и умудрился пропороть себе ногу. Было чертовски больно, но я не хотел признаваться Анне, пока она не заметила сама.

– Надо смазать антисептиком, – сказала Анна.

Она наложила на рану мазь и заклеила пластырем. Объяснила, что при такой влажности микробы быстрее размножаются, а одна мысль о том, что кто-то из нас заболеет, пугает ее до потери пульса.

– Ти Джей, не заходи в воду, пока рана не заживет. Ее нельзя мочить.

«Здорово. Ни рыбалки, ни купания».

Дни медленно тянулись друг за другом. Анна как-то притихла. Она стала больше спать, и я не раз заставал ее плачущей, когда возвращался после похода за дровами или очередного обследования острова. Однажды я увидел, как она сидит на берегу, тупо уставившись в небо.

– Перестаньте думать о том самолете. – сказал я. – Вам от этого только хуже.

– И что, будем просто ждать, что однажды кто-то пролетит над островом?

– Не знаю, – ответил я и сел рядом. – Мы можем уплыть на спасательном плоте. Возьмем с собой фрукты, а дождевую воду будем собирать в пластиковые контейнеры. И погребем.

– А если у нас закончится еда, или что-нибудь случится с плотом? Ти Джей, твоя затея – чистое самоубийство. Уже понятно, что мы находимся вне зоны маршрутов самолетов, летающих на обитаемые острова, так что нет никакой гарантии, что нас обнаружат. Эти острова разбросаны в океане на площади в тысячи миль. Нет, я на такое никогда не решусь. Тем более после того, как увидела Мика. Здесь, на суше, я чувствую себя в большей безопасности. Да я и сама прекрасно понимаю, что они не вернутся. Но озвучить эту мысль – равносильно тому, чтобы сдаться.

– Раньше я тоже так думал. Но теперь уже нет.

– Ты очень легко приспосабливаешься, – внимательно посмотрела на меня Анна.

– Теперь мы живем здесь, – кивнул я.

11

Анна

Ти Джей громко выкрикивал мое имя. Я сидела возле шалаша, тупо уставившись перед собой. Он бежал ко мне, волоча за собой чемодан.

– Анна, это ваш?

Вскочив, я опрометью бросилась ему навстречу.

«Ну, пожалуйста, пусть это будет тот самый чемодан!»

Я с разбегу опустилась на песок, расстегнула молнию, открыла крышку и широко улыбнулась. Я отбросила в сторону промокшую насквозь одежду и стала шарить на дне в поисках украшений. Нашла полиэтиленовый пакет с застежкой «зиплок», открыла и высыпала содержимое на песок. Мои пальцы нащупали серьгу с подвеской, и я, победно улыбнувшись, протянула ее Ти Джею.

Он осмотрел застежку и довольно кивнул:

– Анна, из этого получится отличный рыболовный крючок.

Итак, я вытряхнула из чемодана все, что там было: зубную щетку и два тюбика обычной зубной пасты плюс тюбик отбеливающей, четыре кусочка мыла, по два флакона геля для душа, шампуня и кондиционера, лосьон, крем для бритья, бритву и две упаковки сменных лезвий. А еще три дезодоранта – два стика и один гелевый, детское масло и ватные шарики для снятия макияжа, гигиеническую губную помаду и – слава тебе, господи! – две коробки тампонов. Лак для ногтей и жидкость для снятия лака, пинцет, ватные палочки, салфетки, бутылка средства для ручной стирки и два тюбика крема для загара с защитным фактором 30. Мы с Ти Джеем уже успели загореть до черноты, так что последний нам вряд ли пригодится.

– Ничего себе! – воскликнул Ти Джей, когда я закончила сортировать туалетные принадлежности.

– На острове, куда мы собирались, нет аптеки. Я проверяла, – объяснила я.

Кроме того, я упаковала в чемодан гребень и щетку для волос, заколки, резинки, колоду карт, ежедневник, ручку и две пары солнцезащитных очков – «авиаторы» Ray-Ban и пару в большой черной оправе, – а еще соломенную ковбойскую шляпу, в которой собиралась загорать у бассейна.

Я перебирала одежду, выжимала и раскладывала на песке для просушки. Четыре купальника, домашние штаны из хлопка, шорты, топики, футболки и сарафан. Кеды и несколько пар носков. Синяя футболка с концерта REO Speedwagon и серая, компании Nike, с красной галочкой на груди и надписью Just do it. Футболки были мне здорово велики, обычно я надевала их вместо ночной рубашки.

Бросив трусики и лифчики обратно в чемодан, я закрыла крышку. Нижним бельем займусь позже.

– Нам повезло, что волной вынесло именно этот чемодан, – сказала я.

– А что было в другом?

– Твои учебники и домашние задания.

А ведь я так тщательно составила планы уроков, расписала для Ти Джея всю программу! В чемодане были и романы, которые я собиралась прочесть этим летом, и я с тоской подумала о том, что они здорово помогли бы нам скоротать время.

– Может, и твой чемодан найдется, – решила обнадежить я Ти Джея.

– Абсолютно исключено. Мои родители взяли его с собой. Вот почему у меня в рюкзаке оказались кой-какая одежда и зубная щетка. Мама хотела, чтобы у меня хоть что-нибудь было с собой на случай, если рейс отложат и нам придется где-то ночевать.

– Правда?

– Ага.

– Надо же! Кто бы мог подумать.

……

Я собрала все нужные вещи.

– Пойду искупаюсь, – сказала я. – И давай сразу договоримся: когда я моюсь, ты к воде даже близко не подходишь. Понятно?

– Не волнуйтесь, не подойду, – кивнул Ти Джей. – Обещаю. А пока вас нет, попробую смастерить удочку. И спущусь на пляж, только когда вы вернетесь.

– Вот и хорошо.

На берегу я быстро разделась, зашла в воду и нырнула. Я намылила голову. Волосы были жутко грязными. Я смыла шампунь и повторила процедуру.

Шампунь пах нереально хорошо, но, может, это просто от меня пахло так плохо. Затем я втерла в волосы кондиционер, намылилась с ног до головы и села на песок побрить ноги и подмышки. Я снова вошла в воду, чтобы ополоснуться, а потом – чистая и страшно довольная – долго плавала на спине.

Я надела желтое бикини, смазала подмышки дезодорантом и, тщательно расчесав волосы, скрутила их узлом на затылке, скрепив заколкой. Я выбрала солнцезащитные очки в черной оправе, так как Ray-Ban решила отдать Ти Джею.

Но когда я подошла к шалашу, Ти Джей почему-то не сразу оценил мое чудесное перевоплощение. Он наклонился ко мне, принюхался и осторожно заметил:

– Комары вас теперь живьем съедят.

– Мне сейчас так хорошо, что комары меня не волнуют!

– Ну, что скажете? – протянул он мне удочку.

Он взял длинную палку, проделал отверстие на конце, вдел гитарную струну и прикрепил к ней сережку.

– Здорово. Давай ты тоже помоешься, а потом испытаем ее в деле. Я оставила туалетные принадлежности на берегу. Ни в чем себе не отказывай!

Когда Ти Джей вернулся, он прямо-таки сиял чистотой и пахло от него так же приятно, как и от меня. Я протянула ему авиаторы Ray-Ban

– О, спасибо большое, – надев очки, сказал он. – Это реально круто.

– А что у нас будет в качестве наживки? – поинтересовалась я.

– Думаю, черви.

Червей мы накопали под деревом. По правде говоря, черви эти – белые и извивающиеся – скорее походили на больших личинок, и меня передернуло от отвращения. Ти Джей набрал полную пригоршню, и мы направились к воде.

– Леска не слишком длинная, – объяснил Ти Джей. – Не хотелось использовать гитарную струну целиком. Вдруг она порвется, или с удочкой что случится.

Он зашел в воду по грудь и забросил удочку. Мы замерли.

– Вроде клюет, – сообщил мне Ти Джей.

Он дернул на себя удочку и вытащил ее из воды. Я вскрикнула от восторга, увидев болтающуюся на крючке рыбу.

– Эй, сработало! – радостно воскликнул Ти Джей.

Меньше чем за полчаса он поймал еще семь штук. Когда мы наконец вернулись к шалашу, я уселась чистить рыбу ножом, а Ти Джей пошел за дровами.

– Где вы этому научились? – вернувшись, спросил он.

Он вывалил полный рюкзак палок и веток на уже сушившиеся в шалаше.

– Папа научил. Когда мы с Сарой, моей сестрой, были детьми, папа всегда брал нас с собой на рыбалку. У нас был домик на озере. Он еще любил носить такую нелепую панаму, всю в блеснах. И я помогала чистить пойманную рыбу.

Ти Джей внимательно следил за тем, как я соскоблила чешую с последней рыбки и отрезала ей голову. Я прошлась ножом вдоль хребта и вытащила кости. Затем смыла кровь и ошметки внутренностей дождевой водой и принялась готовить рыбу на плоском камне, который мы приспособили для жарки плодов хлебного дерева. Мы съели все семь рыбок, одну за другой. И мне показалось, что ничего вкуснее я в жизни не пробовала.

– Как думаешь, что это за рыба? – поинтересовалась я.

– Понятия не имею. Какая-то чертовски вкусная!

После обеда мы сидели на расстеленном одеяле, впервые за долгое время чувствуя приятную сытость. Я залезла в чемодан, вытащила свой ежедневник и разгладила покоробленные страницы.

– Сколько дней мы уже здесь? – спросила я Ти Джея.

Он подошел к дереву и сосчитал оставленные ножом зарубки.

– Двадцать три.

Я обвела в кружок дату в ежедневнике. Значит, скоро июль.

– Все, с сегодняшнего дня начинаю следить, – сказала я и запнулась, так как вспомнила о чем-то важном: – Когда тебе следующий раз к врачу?

– В конце августа. Мне должны делать рентген.

– К этому времени нас обязательно найдут.

На самом деле я в это не верила. И, судя по выражению лица Ти Джея, он тоже.

……

Я отошла за дерево, служившее мне уборной, и неожиданно услышала странный звук. Вибрирующий, похожий на звук хлопающих крыльев. Я так испугалась, что чуть было не упала в лужу собственной мочи. Вскочила как ошпаренная и принялась судорожно натягивать трусики и шорты, затем снова прислушалась, но все было тихо.

– Похоже, я слышала какое-то животное, – вернувшись, сообщила я Ти Джею.

– Что за животное?

– Не знаю. Оно издает такой странный вибрирующий звук и будто крыльями хлопает. А ты что-нибудь такое слышал?

– Да. Вроде бы…

Мы вернулись к месту, где меня застал врасплох подозрительный шум, но ничего не нашли. На обратном пути мы набрали столько хвороста, сколько могли унести, а в шалаше положили на груду сухих веток и сучьев, которые держали про запас.

– Как насчет того, чтобы сходить окунуться? – поинтересовался Ти Джей.

– С удовольствием.

Теперь, когда у меня наконец был купальник, плавать стало гораздо приятнее.

Прозрачные воды лагуны идеально подошли бы для подводного плавания. Мы купались, наверное, с полчаса и уже собирались выходить из воды, когда Ти Джей на что-то наступил на дне. Он скрылся под водой и вынырнул с ботинком в руке.

– Это твой? – спросила я.

– Ага. Я так и думал, что рано или поздно его прибьет к берегу.

Мы сели на песок, подставив лица легкому морскому ветру.

– Почему твои родители выбрали эти острова? – спросила я. – Они ведь так далеко.

– Дайвинг. Считается, что здесь лучший в мире дайвинг. У нас с папой есть сертификаты, – зарыв пальцы ног в белый песок, сказал Ти Джей. – Когда я был совсем плох, он рассказывал всем, направо и налево, что, когда я поправлюсь, он устроит мне шикарные каникулы. Раздул из такой фигни целое дело. Хотя мне это все было по барабану.

– Ты что, не хотел сюда ехать?

Ти Джей молча покачал головой.

– Но почему?

– Какой дурак будет проводить все лето с семьей! Я хотел остаться дома, потусоваться с друзьями. А потом предки сказали, что вы тоже едете и мне придется нагонять все, что я пропустил, иначе останусь на второй год. И это меня реально взбесило, – сказал Ти Джей и, бросив на меня извиняющийся взгляд, добавил: – Только без обид.

– А я и не обижаюсь.

– Они и слышать ничего не хотели. Почему-то вбили себе в голову, что такое путешествие – это грандиозно. Подарок для всей семьи. Но даже мои сестры жутко разозлились. Они-то хотели в Дисней-уорлд.

– Мне очень жаль, Ти Джей.

– Ничего. Все в порядке.

– Сколько лет твоим сестрам?

– Алексис – девять, а Грейс – одиннадцать. Они, конечно, иногда меня достают – болтают без умолку, – но вообще они ничего, – сказал Ти Джей. – А у вас есть братья или сестры?

– У меня только сестра. Сара. Она на три года меня старше. А ее мужа зовут Дэвид. У них двое ребятишек. Джо – пять, Хлое – два годика. Я так по ним скучаю! Мне даже подумать страшно, через что им пришлось пройти. Особенно маме с папой.

– Я тоже жутко скучаю по семье, – вздохнул Ти Джей.

Я посмотрела на ярко-синее небо, затем перевела взгляд на бирюзовую воду лагуны. Звуки накатывающих на рифы волн приятно убаюкивали.

– Здесь действительно очень красиво, – сказала я.

– Угу, – согласился Ти Джей. – Очень.

12

Ти Джей

Больше всего на острове меня допекала скука. Конечно, у нас уходило какое-то время на то, чтобы раздобыть еду, набрать дров, порыбачить два-три раза в день, но все равно оставалась куча свободного времени. Мы плавали, обследовали остров, а еще разговаривали, и очень скоро я стал чувствовать себя с Анной практически так же легко и свободно, как и со своими друзьями; она всегда прислушивалась к моим словам.

Ей было не все равно, что я чувствую. Парням, по определению, положено быть крутыми, и мы с Беном – зуб даю – в жизни не стали бы обсуждать свои переживания, но я признался Анне, что у меня начинает сосать под ложечкой, когда думаю о том, смогут ли нас когда-нибудь найти. А потом я сказал, что иногда мне становится страшно до чертиков. Что иногда не могу заснуть. Она ответила, что тоже плохо спит.

И еще мне нравилось делить с ней постель. Она сворачивалась калачиком рядом со мной и спала, положив голову мне на плечо, а как-то раз, когда я лежал на боку, прижалась ко мне грудью и коленями. Конечно, это было во сне и ничего не значило, но все равно было очень приятно. Раньше я еще ни разу не проводил ночь рядом с девушкой. Мы с Эммой спали вместе только несколько часов, и только потому, что она была слишком слаба.

Мне нравилась Анна. Очень. Без нее на острове был бы полный отстой.

Нас так и не спасли, и я пропустил осмотр у онколога, назначенный на конец августа. Анна упомянула об этом как-то утром за завтраком.

– Я очень волнуюсь, что ты не можешь показаться врачу, – сказала она, протягивая мне кусок рыбы, и добавила: – Осторожно, горячая.

– Ничего страшного. Я прекрасно себя чувствую, – подув на рыбу, прежде чем положить в рот, ответил я.

– Но ведь ты был очень болен. Правда?

– Да. – Она протянула мне воду, я сделал глоток и поставил бутылку на землю.

– Расскажи, – попросила Анна.

– Мама думала, что у меня грипп. Я температурил и потел по ночам. Затем начал худеть. Потом доктор нашел у меня на шее опухоль, которая оказалась распухшим лимфатическим узлом. Тогда мне сделали анализы: рентген, биопсию, КТ, МРТ… А затем мне сказали, что у меня лимфогранулематоз в третьей стадии.

– И что, сразу же назначили химиотерапию?

– Ну да. Но она почему-то не действовала. А еще они обнаружили поражение лимфатических желез в диафрагме, так что пришлось пройти еще курс лучей.

– Ужас какой, – сказала Анна. Она отрезала себе кусочек плода хлебного дерева, а остальное отдала мне.

– Да уж, веселого мало. То и дело приходилось ложиться в больницу.

– И как долго ты болел?

– Думаю, года полтора. Я очень долго не шел на поправку, и доктора не знали, что и думать.

– Ти Джей, тебе, наверное, было очень страшно.

– Ну, они постоянно темнили, а я это ненавижу. Я, конечно, понимал, что дела не очень, потому что, когда я задавал вопросы, все тут же прятали глаза. Или переводили разговор на другую тему. Вот это было реально жутко!

– Еще бы.

– Поначалу друзья постоянно меня навещали, но, когда мне так и не стало лучше, некоторые вообще перестали приходить. – Я глотнул воды и передал бутылку Анне. – Вы ведь знаете моего друга Бена?

– Да.

– Так вот. Он приходил каждый божий день. Часами смотрел вместе со мной телевизор или просто сидел на стуле возле кровати, когда у меня не было сил говорить и я не мог пошевелить ни ногой, ни рукой. Мои родители постоянно подолгу беседовали с врачами в коридоре или где-то еще, и я просил Бена подслушать, о чем они говорят. Он знал, что я просто хочу знать правду. Понимаете?

– Конечно, понимаю, – ответила она. – Ти Джей, он, похоже, действительно отличный друг.

– Да, он такой. А у вас есть лучший друг?

– Есть. Ее зовут Стефани. Мы дружим еще с детского сада.

– Ого, ничего себе!

– Друзья – это очень важно. Понимаю, почему ты хотел провести с ними лето.

– Да уж, – ответил я, подумав о том, что все, наверное, уже вернулись в Чикаго. Скорее всего, они решили, что я погиб.

Анна поднялась и подошла к груде хвороста.

– Ты мне скажешь, если заметишь какие-нибудь симптомы? – подбросив дров в костер, спросила она.

– Конечно. Только, пожалуйста, не спрашивайте меня все время, как я себя чувствую. Мама постоянно так делала. И это меня жутко бесило.

– Не буду. Но все равно я немного беспокоюсь.

– Да, я тоже.

13

Анна

Меня разбудил яркий утренний свет, пробивавшийся сквозь сетчатые двери нашего убежища. Ти Джей уже ушел: то ли за дровами, то ли на рыбалку. Сладко зевнув, я выпрямила затекшие ноги и вылезла из постели. Достала из лежащего в шалаше чемодана бикини и переоделась под тентом спасательного плота. Надев купальник, я подняла нейлоновые клапаны, чтобы впустить внутрь свежий воздух.

Ко мне подошел Ти Джей и протянул только что пойманную рыбу.

– Привет, – улыбнулся он.

– Доброе утро, – ответила я.

Я старательно обшарила землю под кокосовой пальмой и хлебным деревом в поисках упавших плодов, а потом отнесла все, что удалось найти, в шалаш. И пока я готовила рыбу, Ти Джей колол кокосовые орехи.

После завтрака мы почистили зубы, прополоскав рот дождевой водой, и я обвела очередную дату в своем ежедневнике. Уже сентябрь. Просто не верится.

– Может, поплаваем? – предложил Ти Джей.

– Давай.

На прошлой неделе Ти Джей заметил в море, по ту сторону рифов, два плавника. Мы дико испугались и выскочили на берег, но потом, когда плавники показались поближе в лагуне, поняли, что это дельфины. Мы медленно, очень осторожно вошли в воду, но они не бросились прочь, а терпеливо ждали нас.

– Они ведут себя так, будто специально приплыли познакомиться, – удивилась я.

Ти Джей погладил дельфина по спине и весело рассмеялся, когда тот выпустил изо рта струю воды. Я еще никогда не видела таких дружелюбных созданий. Они немножко поплавали вместе с нами, а потом внезапно исчезли. Наверное, у них тоже был собственный, морской, распорядок дня.

– Может, дельфины сегодня вернутся, – спустившись на пляж следом за Ти Джеем, сказала я.

– Было бы классно, – ответил Ти Джей. Он уже снял футболку и вошел в воду. – Я бы хотел покататься на дельфине!

Чтобы хоть как-то развлечься, мы сделали из разборного контейнера маску для подводного плавания. Под водой стайками сновали рыбки: фиолетовые, синие, оранжевые, в желтую и черную полоску. Мы заметили морскую черепаху, а еще угря, поднявшего при нашем появлении маленькую головку с морского дна. От угря я предпочла держаться подальше, и быстро уплыла прочь.

– Похоже, дельфинов сегодня не будет, – сказала я после того, как мы с Ти Джеем проплавали больше часа. – Должно быть, мы с ними разминулись.

– Ну что ж, попытаем счастья после дневного сна, – отозвался Ти Джей и вдруг, явно что-то заметив на берегу, стал махать мне рукой: – Анна, скорее, посмотрите, что там такое!

Из песка торчала шевелящаяся клешня краба. Мы пулей выскочили из воды.

– Так. Я за свитером, – сказал Ти Джей.

– Поспеши. Он вот-вот зароется в песок.

Не успела я оглянуться, как Ти Джей уже был здесь. Он накинул на краба фуфайку и вытащил из песка. Затем мы вернулись к шалашу, и Ти Джей бросил краба в костер.

– О господи, – прошептала я, на секунду подумав о предсмертных муках краба, но тут же выкинула это из головы.

Мы раскололи клешни плоскогубцами из ящика с инструментами и устроили себе настоящий пир. Крабовое мясо – даже без растопленного масла – оказалось невероятно нежным. Я не пробовала ничего вкуснее с тех пор, как мы оказались на острове. Теперь мы с Ти Джеем знали места, где прячутся крабы, так что имеет смысл ежедневно прочесывать побережье. Мне уже настолько осточертели рыба, кокосы и плоды хлебного дерева, что иногда они просто не лезли в горло, и крабовое мясо должно было внести приятное разнообразие в наш скудный рацион.

Когда от краба остался только пустой панцирь, я достала одеяло, расстелила под кокосовой пальмой, и мы легли отдохнуть. В тени пальмы было прохладно даже в самые жаркие дневные часы, и мы частенько приходили сюда вздремнуть.

По плечу Ти Джея лениво полз огромный – размером с четвертак, – страшный, мохнатый паук, и я скинула его щелчком пальца.

– Пакость какая, – скривилась я.

Ти Джея передернуло от отвращения. Он ненавидел пауков и всегда тщательно вытряхивал и осматривал одеяло, прежде чем уложить его в спасательный плот. Что касается меня, то лично я ненавидела змей. Я уже как-то раз на одну наступила, и спасли меня только теннисные туфли. Страшно представить, что было бы, наступи я на нее босой ногой. Ядовитая она или нет – об этом даже думать не хотелось.

Я решила, что Ти Джей уже спит, и очень удивилась, когда он сонным голосом неожиданно спросил:

– Анна, как вам кажется, что с нами будет?

– Не знаю. Думаю, надо просто продолжать жить тут и ждать, пока кто-нибудь нас не найдет.

– Думаю, мы неплохо справляемся, – перекатившись на живот, сказал Ти Джей. – Кто бы мог подумать.

– Да мне самой не верится. Но выбора у нас не было: или найти способ выжить, или умереть. – После еды меня разморило, и мысли текли лениво.

Ти Джей приподнялся на локте и задумчиво посмотрел на меня:

– Как думаете, а они устроили нам дома похороны?

– Да.

От мыслей об этой погребальной церемонии мне стало так больно, что я зажмурила глаза и попыталась заставить себя поскорее уснуть, лишь бы стереть стоящую перед глазами страшную картину: переполненная церковь, пустой алтарь и заплаканные лица родителей.

Проснувшись, мы отправились за хворостом – бесконечная, унылая, однообразная работа. Мы днем и ночью поддерживали костер – отчасти из-за опасений, что Ти Джей не сможет снова добыть огонь, отчасти из-за теплящейся надежды, что рано или поздно над островом все же пролетит самолет. На этот случай у нас всегда была наготове груда зеленых листьев, которые оставалось только бросить в костер, чтобы поднялся столб дыма.

Мы положили хворост в общую кучу, что держали про запас в шалаше, затем я налила в контейнер спасательного плота морской воды, добавила колпачок моющего геля и поболтала в пене нашу грязную одежду.

– Сегодня, похоже, день большой стирки.

– Угу.

Мы натянули между деревьями веревку и повесили белье сушиться. Хотя белья-то было всего ничего – Ти Джей ходил без рубашки, в одних шортах, я же днем надевала бикини, а ночью футболку Ти Джея и шорты.

Уже ближе к вечеру, после обеда, Ти Джей спросил, не хочу ли я поиграть в карты.

– В покер?

– Вам что, мало прошлого раза, когда я вас сделал?

Ти Джей научил меня играть в покер, но я оказалась не слишком способной ученицей. По крайней мере, по его мнению. Но на самом деле я уже начала потихоньку разбираться, и мне не терпелось его обставить.

После того как мы сыграли шесть партий, из которых я выиграла четыре, Ти Джей сказал:

– Уф, сегодня не мой день. Может, лучше в шашки?

– Давай.

Доску мы обычно чертили прямо на песке, а вместо шашек у нас была галька. После трех партий Ти Джей сказал:

– Еще одну?

– Нет. Хочу сходить помыться.

Откровенно говоря, я уже начала волноваться, хватит ли нам нашего запаса мыла и шампуня, поэтому мы с Ти Джеем договорились мыться через день. Так, на всякий случай. Мы оставались более или менее чистыми, потому что не вылезали из воды, но пахло от нас иногда не слишком хорошо.

– Твоя очередь, – сказала я, вернувшись с пляжа.

– Как же мне не хватает душа! – вздохнул Ти Джей.

Ти Джей быстренько сбегал окунуться, и мы отправились спать. Он опустил дверь и лег рядом со мной.

– Все отдал бы за стаканчик кока-колы.

– Я тоже. Большой стакан и много льда.

– А еще хочу хоть немного хлеба. Не плодов хлебного дерева. Именно хлеба. Большой сэндвич, с картофельными чипсами и маринованным огурцом.

– А я пиццу по-чикагски, – отозвалась я.

– И огромный чизбургер с кучей начинки.

– Стейк. И печеный картофель со сметаной.

– Шоколадный торт на десерт.

– Я умею печь шоколадный торт. Меня мама научила.

– Какой? Обсыпанный шоколадной стружкой?

– Да. Когда мы наконец выберемся с этого острова, я тебе обязательно испеку. – Я вздохнула. – Мы только понапрасну мучаем себя.

– Ну да. Теперь мне опять хочется есть. Хотя я почти всегда голоден…

Я повернулась на бок и устроилась поудобнее.

– Спокойной ночи, Ти Джей.

– Спокойной ночи.

……

Ти Джей выложил передо мной пойманную рыбу и сел рядом.

– Занятия в школе начались уже несколько недель назад, – заметила я.

Обведя очередную дату на календаре в ежедневнике, я принялась готовить завтрак.

Ти Джей, похоже, заметив кислое выражение моего лица, сказал:

– У вас такой грустный вид.

– Да, мне горько думать о том, что прямо сейчас другой учитель проводит урок с моими учениками.

Я преподавала английский в старших классах и любила покупать школьные принадлежности, а еще выбирать книги для своей библиотеки. У меня на столе всегда стояла большая кружка, набитая шариковыми ручками, и к концу учебного года она оказывалась совершенно пустой.

– Вам так нравится ваша работа?

– Да, я люблю ее. Моя мама была учительницей. В прошлом году она ушла на пенсию. И я всегда знала, что тоже буду учить детей. Когда я была маленькой, я часами играла в школу, и мама давала мне золотые звездочки, чтобы я могла оценивать домашнюю работу своих плюшевых зверюшек.

– Уверен, вы отличная учительница.

– По крайней мере, стараюсь, – улыбнулась я и, положив почищенную рыбу на плоский камень, придвинула его поближе к огню. – А тебе верится, что ты перешел в предпоследний класс?

– Нет. У меня такое чувство, будто я сто лет не был в школе.

– А как ты относишься к школе? Твоя мама говорила, ты был хорошим учеником.

– Нормально. Хочу догнать свой класс. А еще я рассчитывал вернуться в футбольную команду. Когда я заболел, то пришлось бросить футбол.

– Так ты любишь спорт? – поинтересовалась я.

– Да. Особенно футбол и баскетбол. А вы?

– Конечно.

– А чем вы занимаетесь?

– Ну, я бегаю. В прошлом году участвовала в двух полумарафонах, еще увлекаюсь легкой атлетикой, а в старших классах играла в баскетбол. Иногда занимаюсь йогой. – Я проверила рыбу и отодвинула камень подальше от огня, чтобы дать ей остыть. – Скучаю по всему этому.

Но сейчас я даже думать не хотела о том, чтобы начать бегать. И дело было даже не в скудном питании. Еды пока вполне хватало, чтобы обеспечивать достаточное количество энергии, но бег вокруг острова неизбежно рождал бы ассоциации с белкой в колесе. Вроде бежишь, но на самом деле никуда не двигаешься.

.....

Ти Джей вернулся с полным рюкзаком хвороста.

– С днем рождения, – сказала я.

– Неужели уже двадцатое сентября? – Он подбросил хворосту в костер и сел рядом со мной.

Я кивнула:

– Извини, я не купила тебе подарок. Торговый центр на нашем острове – полный отстой.

– Все нормально, не парьтесь, не надо мне никакого подарка, – рассмеялся Ти Джей.

– Может, закатишь шикарную вечеринку, когда мы наконец выберемся с острова?

– Ага, может быть, может быть, – пожал плечами Ти Джей.

Ти Джей выглядел старше своих семнадцати лет. Всегда очень сдержанный. Возможно, столкнувшись с недетскими проблемами со здоровьем, он утратил присущую подросткам инфантильность – в то время как его сверстников волновало получение водительских прав, прогулы или нарушение установленного родителями комендантского часа.

– Не могу поверить, что скоро октябрь, – вздохнула я. – Там, дома, наверняка уже и листья желтеют.

На самом деле я любила осень: футбол, прогулки с Хлоей и Джо по тыквенным полям, прохладную погоду. Это было мне очень дорого.

Я посмотрела на пальмы, на колышущиеся от морского бриза длинные листья. По щеке текла тонкая струйка пота, а запах кокоса, въевшийся в кожу рук, напомнил мне о лосьоне для загара.

Здесь, на острове, будет вечное лето.

14

Ти Джей

Откуда-то с моря набежали тучи, и на остров обрушился ливень. Грохотал гром, молнии разрезали почерневшее небо. Ветер раскачивал спасательный плот, и я уж было начал беспокоиться, что нас снесет к пляжу. Я даже сделал себе пометку в уме: «Завтра надо обязательно привязать к чему-нибудь плот».

– Вы не спите? – спросил я Анну.

– Нет.

Шторм бушевал несколько часов. Мы с головой накрылись одеялом и лежали, тесно прижавшись друг к другу. Единственной защитой от бури – хотя тоже мне защита – были тонкий нейлоновый тент и боковые клапаны. Мы лежали молча и ждали, пока стихия не успокоится, а когда шторм закончился, уснули, вконец обессиленные.

На следующее утро Анна принесла несколько зеленых кокосов, упавших под порывами ураганного ветра. Мякоть на вкус была сладкой, а молоко оказалось менее горьким, чем у коричневых кокосов.

– Вот это то, что надо, – заметила Анна.

Шалаш развалился, огонь погас, и мне пришлось добывать его снова, правда, на сей раз я воспользовался обувным шнурком. Я привязал его к противоположным концам изогнутой ветки. Затем сделал в середине петлю и продел в нее палочку, установив ее перпендикулярно деревяшке, на которую водрузил всю конструкцию.

– Что ты делаешь? – поинтересовалась Анна.

– Хочу крутить палочку с помощью шнурка. Именно так делал тот парень по телику.

Я равномерно натянул шнурок, а концы ветки держал под разными углами. Мне не сразу удалось сделать так, чтобы палочка вращалась достаточно быстро, но наконец все получилось, дым пошел уже через пятнадцать минут, а вскоре появилось и пламя.

– Эй! – воскликнула Анна. – Классно ты придумал.

– Спасибо.

Я положил сверху растопку и стал смотреть, как огонь разгорается все ярче. А потом мы с Анной общими усилиями подняли шалаш.

– Надеюсь, что такого жуткого шторма больше не будет, – смахнув пот со лба, сказал я, а когда положил последнюю ветку на стену шалаша, добавил: – Не

представляю, где нам прятаться, если это повторится.

.....

Анна отправилась мыться, а я залез в ее чемодан в поисках футболки REO Speedwagon. Она сказала мне, что я могу взять ее, если она мне подходит, как и Nike. Футболки я сразу не нашел, поэтому залез поглубже.

Под шортами были спрятаны две коробки тампонов.

«Интересно, что она будет делать, когда они закончатся?»

Я отодвинул какие-то вещи и увидел аккуратную стопку лифчиков. Сверху лежал черный. Я взял бутылочку с ванильным лосьоном, открутил крышку и понюхал.

«Ага, вот почему от нее иногда пахнет кексами».

Я открыл круглый пластиковый контейнер. Внутри были уложены по кругу, с указанием дня недели, крошечные таблетки. Их осталось всего пять. До меня не сразу дошло, что это противозачаточное средство. Потом я обнаружил еще две неначатые упаковки.

Анна вряд ли будет ругаться, что я открыл ее чемодан, ведь я держал здесь и свои нехитрые пожитки, а в моем рюкзаке мы теперь носили хворост. Но ей точно не понравится, что я шарюсь в ее вещах. Я уж хотел было закрыть крышку, но тут увидел ее трусики. Они лежали на дне чемодана, рядом с теннисными туфлями. Я воровато оглянулся, схватил розовые трусы и поднес к лицу.

«Интересно, просвечивают они на теле или нет?»

Положив трусики на место, я взял черные стринги.

«Очень сексуально, но, спорим, страшно неудобно».

Я потрогал красные трусики и даже наклонился, чтобы получше рассмотреть черный бантик на поясе спереди.

«Вау! Это, должно быть, подарок с намеком».

Затем я сгреб в охапку сразу пять или шесть пар, прижал к лицу и вдохнул.

Конец ознакомительного фрагмента.

notes

Примечания

1

«Воздушные трассы Соединенных Штатов» – одна из крупнейших авиакомпаний, которая позднее объединилась с American Airlines. (Здесь и далее прим. ред.)

2

Лекарство, содержащее парацетамол.

3

Приблизительно 45 метров.

4

168 сантиметров.

5

55 килограммов.

6

10 сантиметров.

7

14 килограммов.

8

Приблизительно литр.

9

Приблизительно 2 литра.

10

Антигистаминный препарат.

11

Противовоспалительная мазь.

12

Средство от диареи.

13

Примерно 11 литров.

Купить: https://tellnovel.com/ru/treysi-garvis-greyvs/na-ostrove-kupit

Текст предоставлен ООО «ИТ»
Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию: Купить